

Мезорія испанской литературы въ XVII в.

Въ Гилью, Неаполе и Милане драмы его игрались въ оригиналь на испанскомъ (родномъ его) языкѣ. Въ Францїи и Италїи, тогда приманивъ зрителей на какую-нибудь пьесу, объявляли на афишѣ его имя, хотя бы въ то время не игралось ни одной изъ его драмъ.¹⁾ Одна изъ его пьесъ была переведена въ 1652 г. на немецкій языкъ Треффлингеромъ, хотя въ Германїи во то время обращали очень мало вниманія на испанскую литературу.²⁾ Даже въ саратовѣ (во дворцѣ султана) въ Константинополѣ была представлена драма Л. де Вегги.

Но ни ведъ эта популярности, ни толпа народа, слѣдовавшая за нимъ по улицамъ и дожидавшаяся на балконахъ его прохода, ни имя Лопе, давав.шее всему, что спускалось особенно хорошему въ своемъ родѣ, — вошло въ обихай оцѣнивать коро.мью вещь, называя ее а Лопе, ^{as de Lope,} фактъ это драгоценн. поэзи, бриллианты, картины и т. п. возвышались въ своемъ достоинствѣ, когда имя называли его именемъ³⁾, все это не можеть служить фактивн. поразительному доказательству его драматическаго чистота, какъ то фактъ, что множество его пьесъ пометрически записывались во время представления и потомъ печатались для названія по всей Испанїи и это множество пьесъ другихъ авторовъ

1) Это удостоверение испанскій поэтъ Марини въ своемъ Похвалномъ словѣ Лопе де Вегги.

2) Это измѣнилось только въ XVIII в., когда вывели въ свѣтъ Сид Террера (1806 г.).

3) С. М. Монкальвана Obras Sueltas de Lope, Tom. XIX и XX. и Сарвангеръ Варасна. ерѣ фактивн. образомъ въ своей entremes „La guarda cuidadosa“.

являлись под его именем и представлялись по всей провинциальной городальи.

Забавную историю ^{писателя и кризиса} рассказывает Фигероа¹⁾ насчет упреждавшегося иногда способа читать пьесы Лопе де Веги. Он говорит, что было один господин по имени Luis Ramirez de Arellano, который мог за полчаса только пьесу, прослушав ее три раза; зато действительно и было с двумя хорошо известными пьесами Лопе де Веги: „Дамы Вова“ и „Принцеса Перфета“. Это, конечно, не могло нравиться и возбудило производное. Поэтому один раз, когда давали пьесу „Galán de la Membrilla“,²⁾ — Саммер, хорошо известный мой современник актер, заже искажал своего роль, то оскорбленная публика с криком требовала объяснения причины этого. Актер отвечал, что в театре надо, дуря личность, которая может пьесу в своей памяти только пьесу, если ее измыслил ея. С этими словами он указал на Luis de Arellano. Поднялся шум и последний должен был покинуть театр. Фигероа говорит, что он сам был свидетелем этой сцены. Лопе де Вега, намекая на этот способ читать пьесы, говорит, что было двое лиц, особенно искусных в этом, одного из которых прозой народ называл „Membrilla“, а другого „Gran Memoria“.

Обширный доход был естественным следствием

1) Крисоваль Сударес Фигероа (в Пласа Universal, 1615, f. 238).

2) Эта пьеса имеет подкое, сатирическое предисловие.

подобной популярности, так как актеры платили
 ему за его песни ^{большая} огромная сумма; сверх того он
 имел щедрость покровителей, неизменно в наше
 время. Матр., один из герцогов Сесса передал Л.
 де Вега в различные время 24,000 дукатов и синеку,
 рубли с 300 дукатов ежегодного дохода. Но Лопе де Вега
 небрежлив, неразборчив, очень распущен и при,
 том неоднократно щедер, а госдепринимство его,
 в отношении ко множеству друзей, не знало меры.
 Вследствие этого, он почти всегда был в затрудни,
 желая деловых оборотываться. В конце
 своего „Завоеванного Иерусалима“, написанного
 в 1609 году, он жалует на свое собственное по,
 ление. В 1620 году, посвящая, Угодего Антанте
 своему сыну Лопе, высказывавшему поздравление на,
 клонности, он, ссылается на содобривший приговор,
 предостерегающий его от увлечения стихотворством,
 прибавляя: „У меня, как у тебя извещено, много денег,
 а мой посыл и мой слух не лучше“. В старости
 он написал в качестве просьбы испанскому королю,
 любви к еще менее разсудливому Филиппу IV,
 просит средств к жизни себя и своей дочери. „У
 меня еще долг, и я царь“, говорит он. „Музы досаж,
 много мне погосси, но не доход“. Мать его знает,
 значит видно, что Филипп IV обещался заплатить

1) Матру каждой песни Монзалваном обозначалось в 500 реалов
 и говорит, что закину образцы способные Лопе де Вега в продол,
 жении своей жизни получили 30,000 дукатов.

лицу, которое изменил на дочери Лопе де Вега, но не держал своего слова. Хотя ни один писатель не получил в течение жизни такой огромной суммы денег за свои сочинения, однако и Лопе де Вега не оставил после себя никакого сочинения. После его смерти бедность была засвидетельствована его ду, тешикашикомом.

И при этом не следует забывать, что никогда не один поэт не писал столько произведений, как, забавившись фактом популярности. Если напомним о его драматических произведениях, создававшихся в первую часть его сочинений, и перейдем к эпическим, написанным ему удавшимся, при этом здесь исключаются его лирические сочинения, то мы все-таки найдем совершенно безприличных то количество написанного им, которое принималось с восторгом, лишь только появлялось в печати. Если к этому мы должны прибавить, на основании сохранившихся его слов перед смертью, что большая часть его сочинений оставалась еще в рукописи, если сама Лопе де Вега это выражает²⁷⁰ в „Exloga á Sain. Dio“, говоря: „Напечатанная часть моих сочинений, хотя и чрезвычайно велика, но очень мала в сравнении с тем, которая остается не изданною“, если действительно нам известно, что мы имеем два-ли

гезвердую гаспаго болышыхъ исевъ, фолско около 30
 autos изъ 400, и фолско 20 или 30 entremeses изъ
 „бюжонетнаго числа“ иль, приписываемаго ему; если
 Рачесо, членъ въ изданіи сочиненій Лопе де Веги 1609 года,
 говоритъ, что до этого времени на каждый день жизни
 Лопе де Веги приходилась среднимъ числомъ по три
 огромныхъ листа (tres pliegos) его произведений, —
 то мы остановимся въ удивленіи и пресиде, чь мы
 повѣрять захотимъ утвержденіямъ, пущающимся въ нѣско-
 лкоромъ обьясненіи, которое доказало бы ихъ вторичность.
 Это обьясненіе дѣломъ важнѣе, что оно представляется
 многимъ ко многимъ спорнымъ листамъ Ларакера
 и позднѣею карьеры Лопе де Веги. Оно заключа-
 ется по Тиктору въ слѣдующемъ: „Ни одинъ изъ вы-
 нѣи сколко-нибудь поэтовъ не обладалъ талантомъ,
 столь близкимъ къ таланту импровизатора, и ни
 одинъ не отдавался такъ свободно своей склонности
 къ импровизации. Эта способность всегда существо-
 вала у южныхъ народовъ Европы²⁾ и въ Испаніи
 съ самаго начала она произвела различныи ну,
 дѣлки самыя необыкновенныя результаты. Этой
 способности мы обязаны созданіемъ и усовершен-
 ствованіемъ древнихъ романсовъ, которые первоначально
 галско импровизировались и поэтомъ сохранились
 черной передачей; ей же мы обязаны разнаго рода

1) Франсиско Пачеко

2) собственно говоря не только у южанъ, но и у северныхъ
 народовъ, напр. локаней, у которыхъ болѣе 30,000 жителей, и др.

младшими пьесками, въ родѣ seguidillas и boleros
и въими дружкии формами народной поэзіи, ко-
рѣя еще существующе въ Мадридѣ, ежедневна слава,
когда вновь пылкой французіей необразованныхъ
классовъ народа и походя на народныя похвалы
и наполняюще поющей воздухомъ звуками, какъ на,
полтораго ело ^{своими мурками,} солныше, ^{своими свозомъ} во время дня.

Во времена Лопе де Веги сцены къ подобной
интробизаціи сдѣлалася еще сильнѣе, гдѣ прежде,
если не распространялась шире. Публика требовала
отъ актеровъ интробизаціи на заданныя темы, и
актеры періодко удовлетворяли такое требованіе. Ми,
пробизованныя драмы въ сущемъ не были редкою
въ то время. Не редкою были пьесы, сочиненныя
ея tempo съ соблюденіемъ всего сценозворнаго
размѣровъ, козорые требовались вкусомъ зрителей. По,
кривителъ Лопе де Веги, Филиппъ IV, заславлялъ играхъ
зака драмы въ своемъ присудствіи и даже самъ при,
нималъ участіе въ интробизаціи; а графъ Лемосъ,
вице-король Неаполитанскій, оченъ образованный
государственный человекъ, козорому закъ много было
обязанъ Сервантесу, держалъ при себѣ, какъ прива,
лето своего званія, поэтическій дворъ, главны,
ми украшеніями козораго были два Аргенсола.
На придворномъ театръ графа Лемоса исполнялись

Глисаграфическая
 съ блестящими чешуйками пчелы въ темноте, 7. е. и. и.
 провизованный драма. Делится приводить любопыт-
 ный рассказ Диего, герцога Векрады, объ одномъ изъ
 подобныхъ представлений (сильной пчелы объ Орфель
 и Эвридиды), исполненномъ передъ вице-королемъ
 и его дворомъ.¹⁾

Шталанъ Лопе де Вега былъ безъ сомнѣній близ-
 ко родствененъ Эзопу истинно-народному гению импрови-
 зации и злымъ еще пурелемъ и въ зломъ еще духомъ про-
 извелъ необыкновенные результаты. Лопе де Вега
 сочинялъ стихи съ необыкновенной легкостью и
 диктовалъ ихъ скорее, злымъ писецъ могъ записать
 ихъ; въ два дня онъ писалъ цѣлую пчелу, которую
 его переписчикъ въ зрѣломъ могъ переписать въ срокъ,
 но еще вѣрнее. Однако онъ не былъ наследникомъ
 импровизаторомъ, потому что восмиравіе и положеніе,
 не естественнo заставили его посвящать себя пис-
 менной работѣ, но онъ похотѣнно сродилъ на грани-
 цахъ области, создававшейся исключительную при-
 надлежность импровизатора. Его литературный дохо-
 дилъ и педографіи, граціи, прелесты и находчивосты,
 зрѣловосты, порывы - необузданносты и странности
 фантазии, его ослепительныи стихи или свободная пла-
 мосты стиха, его необыкновенное богатство воображе-
 ній и удивительное обилие образовъ, - все это похотѣнно

¹⁾ См. Biblioteca de Traductores Españoles (Madrid, 1877, Tom. I. pp. 89-91. -
 Справ. и Шекспиръ. Исторія испанской литературы. Книга II. Стр. 236 и 237.

указываешь на то, что буди гурь гурь больше свобода и
 тонкости въ его ощущенияхъ и фантазияхъ, отъ всецѣ-
 ло отдѣляя бы не только просто импровизаторовъ,
 но и самыхъ замѣчательныхъ изъ вѣтви импрови-
 заторовъ, козоровъ когда-либо имъ.

Вотъ разъясненіе загадки о баснословной зворге,
 ской плодovitости Лопе де Велы.

Поэтому не удивительно, что Лопе де Вела написалъ
 такое несслыханно-грандное количество вещей. По
 разсчету однимъ отъ написалъ больше 2000 (около 2200),
 а по другимъ (закъ именно по Шнаккѣ) по меньшей
 мѣрѣ 1500 драматическихъ произведеній и въ течение
 своей жизни почти исключительно господствовалъ
 на испанской сценѣ.

И въ его пьесахъ съ изобиліемъ сказываются бле-
 стящія догматика и педагогика испанской драмы,
 его нестерпимая фантазия давала ему все новыя
 завязки, въ козоровъ удивительныхъ образомъ пере-
 нувываются и снѣживаются совершенно имее знаніе
 свѣта, глубокат психологія и душевное благород-
 ство съ узко-національною ограниченностью, смущ-
 ной фантастикой и религиозныхъ ханжескостью.
 Это лучший драмы-образецъ художественнаго совер-
 шенства, но и наименѣе обработанный изъ нихъ
 и вполнѣ гурдия намъ по содержанию заслуживающъ

удивляется необдуманной шивоси двайсвия и ора, ровазельности позурисекаго языка. Въ его комедияхъ заключаются неискреннее богачество пофировъ (когда, рве по болтшей части сводятся къ одному исходному пункту — къ испанскому помянуто о гези), Благода, рд королу позднѣйшие драматурги вельхъ народовъ могли въ изобилии заимствоваться у Лопе де Веге. Бюезное ведение двайсвия, шивое воспроизведение попомений и шгозкое выражение ихъ создавалиошь сильную сторону таланта Лопе де Веге, напрозвивъ, его характерислика не такъ богата, сильна и глубока, хотя она и не заслуживаетъ той низкой оцѣнки, какую получила вноснѣдствѣи. Содержание своихъ пьесъ онъ заимствовалъ, какъ мы уже знаемъ, изъ старо-испанскихъ сказаній, національной и иногда иностранной исторіи, старыхъ испанскихъ и итальянскихъ повелій, изъ происшествій обывательской жизни, при чемъ особенно сказывалась сила его изобретательности.

По Адольфу Шереру изъ произведений Л. де Веге наиболее превосходны трагедіи: „Севильская звезда“ или „Звезда Севильи“ (*La Estrella de Sevilla*), „Кара безъ мези“ или „Наказаніе безъ мези“ (*El Castigo sin Venegana*), драмы: „Сибанскія дрови“, „Коман, торъ изъ Оканси“, „Радня своего возмодленнаго“

(La Esclava de su Galan); драматическія комедіи: „Незнакомка-возлюбленная“, „Величайшая невозможность“, „Иванова ночь“, „Валенсійская вдова“, „Награда доброго имени“; но едва-ли въ цель ушелъ, тасовъ имъ и многія другія драмы этого автора. Между тѣмъ, какъ въ этихъ и подобныхъ произведеніяхъ Бомаре ^{мечше} безусловно связь драматической поэзіи Лопе де Вега съ направлениемъ и воззрѣніемъ, яви обновленнаго католицизма, этого послѣдній является открыто въ запискѣ дико-французскихъ пьесахъ, какъ „Кардиналъ Виллемскій“ (El Cardinal de Velas), „Пророчесвующее дивное“, или въ запискѣ французски-испанскихъ, какъ „Помедская еврейка“ и „Невинное дитя изъ Ла-Гвардін“.

Самъ Лопе де Вега, подобно нѣкоторымъ другимъ знаменитымъ писателямъ, былъ склоненъ низко цѣнить то, что ему наиболѣе удавалось, и высоко ставилъ то, что всего менше заслуживало этого. Такъ, какъ образно, изъ Предисловія къ его Комедіямъ (Vol. XV, Madrid, 1621), видно, что онъ предпочиталъ свои болѣе поэмы своимъ пьесамъ, которыхъ, по его словамъ, онъ считалъ „дикими полевыми цвѣтами, выросшими безъ обработки и ухода“. Но такъ или иначе, однако Лопе де Вега ^{безъ сомнѣній} гораздо болѣе драматиченъ, чѣмъ Эпикъ и лирикъ.

И во особенное ли испанцы любили Лопе де Велу погову, что ни один испанский драматург, за исключение разве Кальдерона, не понимал так хорошо дух испанского народа, как он. В его драмах отражается ярко вся испанская жизнь со всеми ее идеалами, симпатиями и антипатиями. Но, что во наших глазах кажется недосказкой — именно преобладание национального элемента над универсальным, общечеловеческим, во взглядах испанца выдвигается главнее, чем доэпохиервовой пьесы Лопе де Велу и ода, словливал собою иль поразительный уступ на испанской сцене. Испанский религиозный фанатизм, испанское обожование королевской власти, которой приносилась в жертву вся родовенная и человеческая глупость, даже самая ^{госп.} наконец, испанский взгляд на семью, нуто песь и ея удовлетворение — все эти мотивы касались намь слишком условными, слишком мьстными, и, благодаря присутствию этих мотивов в драмах Лопе де Велу, онь, несмотря на свои художественная доэпохиерва, никогда не достигнуть того общечеловеческого значения, которого достигли, например, драмы Мексинга. Но не забывать, что, если можно такь выразиться,

1) Срав. и Проф. Н. И. Суворовенко. Очерк Мехории Западно-Европейской литературы. Москва: 1908. Стр. 211.

у Лопе де Вега, во время его драматического зрелища, негаскь нахадилса въ ярыть - *Pegasus im Koche*.

Велиды Лопе де Вега были предсказательны самому себѣ и нахадилса подь влidayнiельны одиниель золско сценическiель соображенiий, отъ писаль бы псеса много рода, мочерь бытъ, и болше общечеловеческаго. Но ни отъ самь, ни его пудлика не имьли права вполнть распоряжаться въ этой области. Церковь, всегда могущесветная въ Испании, а особливо въ послѣднiель половину царствованiя Филиппа II, когда Лопе де Вега скаль приобрьзачь извѣстное, — губевзовала себѣ, и не безь основанiя, оскорбленнiель псесами, пользовавшимися тогда болшого популярностию. Мель вольная любовная исторiя, дуэли и вообще иль поязи о домашней жизни и личноть характерь были, безспорно, всего менше христянскими.

Какъ должны были смозреть на испанскiель театр во время Филиппа IV, можно судить по запискамъ, гизаннiель въ 1796 году въ Мадридской Исторической Академии Fovellanos'омь о подобнiель псесаль, продолжавшимъ предзавлудь даже въ концѣ XVIII-го, философскаго вѣка. Fovельянось, этотъ мудрый и добросовѣстный сановникъ, котораго нельзя произи молчанiель, говоря объ его времени,

касается испанской драмы вообще. Онъ говоритъ слѣдующее: „Это касается до меня, но я удостоверяю, что не могу въ виду баллы рѣшимого доказательства надежды нашего вкуса, какъ до холодное равнодушіе, съ которыми мы допускаемъ представленіе и сценъ, въ которыхъ открыто попираются поганы скромы, возможны привязанности, вѣрности, приличія и вся добродѣтели и основы здравой морали. Неужели думаешь, что невинная дѣва и пылкія тономы, праздная и раздорчивая злая и невѣжеская форма — могутъ безъ вреда для себя существовать на подобные приемы безразсудства и грубости, малого и мѣлко преувеличеннаго глумленія глумленія, презрѣнія справедливости и законовъ, — представляемые на сценѣ въ самыхъ живыхъ краскахъ и сдѣланные привлекательными очарованіемъ сценической иллюзии и прелестями музыки и сцены? Поэтому, позволю тебѣ такъ резко исповѣдаться неужели. Подобный театръ есть обидное и безвкусное и пр. Визуально не имѣетъ другаго вида, какъ зомби или преобразовать его или совершенно уничтожить.“¹⁾

Поэтому въ своей превосходной рѣчи онъ пока, заявляетъ, что онъ не дѣлаетъ неужели въ под. физически красотахъ стараго театра, правдивые

1) Memorias de la Acad., Tom. V, p. 397.

влияние кофорого осуждали.

«Я всегда первый говорю» — говорили они — «признаю его неподражаемую прелесть, своеобразные фразы, огарованіе срилъ, главнѣе естественное разговоровъ, удивительное остроуміе и шутки, легкое, съ кофорого все въ концѣ концовъ объясняется и цѣрра, пиваетъ, блестящій и шутель, колоръ, остроуміе, — кофорое мы вѣрѣваемъ при каждомъ шагѣ впередъ, — но тѣмъ намъ во всемъ этомъ, если за те пѣсса, разсмазриваемая при связѣ шутки и шутрости, въ лверъ зараженнаго пороками и испорченнаго, кофорого не можемъ зертвоу здравая нравствен, кофоро и шутрое правительство?»¹⁾

Весьма естественно, что вѣльхствіе этого цѣе ранѣе возникъ споръ относительно дозволенности, сри пѣсь этого рода, кофороый продолжался до 1598 года, кофоро королевскимъ декретомъ предсавленіе створки пѣсь было совершенно запре, цзено въ Мадридѣ и общественыя театры были закрыты почти въ продолженіи двухъ лѣтъ.²⁾

Лопе де Вега былъ однимъ образцовъ принужденно приспособиться къ новому порядку вещей и едѣ, намъ это, повидимому, легко и съ обѣлкой ловкостью. Какъ мы видѣли, сначала онъ писалъ духовныя пѣсь на подобіе старыхъ мистерій и морализѣ;

1) Ibid., p. 413.

2) C. Pellicer, Origen del Teatro, Madrid, 1804, Tom. I. pp. 142-148.

позомъ — после французскаго декрета — онъ заданъ
 цѣлкомъ влечь нѣтъ духъ въ болѣе привлекающаго
 формы своей священной драмы и дасть нѣтъ такое со-
 держаніе, которое удовлетворило бы вкусу столич-
 ной публики, а влѣтъ съ зломъ издѣло бы на,
 падохъ церкви. Успѣхъ его въ зтомъ болѣе такъ же
 значительнъ, какъ прежде, и новое разнообразіе формъ,
 въ которыхъ нашелъ себѣ теперь выраженіе его
 гений, было едва-ли менѣе поразительнымъ.

Главнымъ его изобрѣтеніемъ было св. писаніе, ко-
 торымъ пользовались для драматическихъ цѣлей въ
 продолженіе болѣе трехъ столѣтій во время
 болѣе религіозныхъ празднествъ испанской
 церкви, вѣлѣдствіе чего представители этой церкви
 едва-ли могли сдѣлать ему какое-нибудь возра-
 женіе по зтому поводу. Лопе де Вега по зтому
 черпалъ изъ св. писанія полното рукою и создалъ
 нѣтъ пьесы, которая могла бы примѣнѣ за ера-
 ринскую миссерію, если бы онъ были менѣе по-
 зитивны и не походили бы на его содѣланныя
 комедіи и трагедіи такъ сильно, что, исключивъ
 нѣтъ религіозныя части, нѣтъ можно приписать
 къ зтому самому классу священной и модному клас-
 су пьесы, который болѣе золько-то заиреженъ.

Трезвѣтѣе разнообразіе въ характерѣ пьесы

Лопе де Веги замечательно не только их числа и не мало способствовало тому, чтобы сделать его властителям сцены при жизни и великими на, национальными драматургами в последующие время. Но хотя это безоглядное разнообразие и неограниченность, так плодотворно составляющих два краеугольных камня, на которых основывается его искусство, — однако здесь много и много и других особенностей, которые нельзя не считать утерянными из виду, если мы исследовать не только художественные результаты его драматической деятельности, но и средства, которыми они были достигнуты.

Сюда во-первых относятся проходящие через весь его богатый наследие Лопе де Веги принципы, которые имеют всего другого интереса фабулы. Характеры имеют у него меньшее значение. Ни в одной из своих пьес он не задается идеей представить какую-нибудь одну сцену, которая дала бы решительное направление всей силе энергичного характера, как мы это, напр., встречаем у Шекспира.

Равным образом диалог у Лопе де Веги служит почти исключительно для развития действия, а не характеров. Это видно из длинных речей, состоящих иногда из 200 или 300 стихов, которые

закого же число повествовательного характера, как итальянская новелла, и число очень похоже на последнее. Это видно изъ массы отъ двольныхъ случаевъ и фразовъ, составляющихъ действие, которое нередко не находится досразаго, маго прозрачнаго, чтобы распуцавъ безроузно завязанные узлы и сдѣлавъ ихъ легко понятными. Эта запутанность действия засрабляетъ однажды Лопе де Вега въ самомъ началѣ пьесы предостерегаетъ зрителей, чтобы они не пропустили ни одного слова изъ даваемого объясненія, иначе имъ останется непонятными все послѣдующее действие.

Повинуясь тому же принципу, Лопе де Вега шербуетъ правительственно и правдоподобно со, шета, разъ отъ можеть сдѣлавъ его интереснымъ. Въ болшия пьесы, правда, правильно разделена на три jornadas, дѣй или акта, но это дѣленіе, не смотря на его приязанія, не есть его изобрѣтеніе и составляетъ лишь средство сдѣлавъ пауза, антракты, необходимыя для удобства актеровъ и зрителей и не имющія число въ его разрѣзѣ ничего общаго со сраженіемъ и раздѣленіемъ самой пьесы. Это раздѣленіе на три jornadas можно прослѣдить вплоть до пьесы Фран.

списка де Абенданбо 1553 года.

Что касается до песни песни, козорья, по словамъ самого Лопе де Вега, написаны иль согласно съ правиламъ, то о нихъ онъ говоритъ въ своемъ „Arte Nuevo“ слѣдующимъ образомъ: „исключая песни, все мои 483 песни сильно погрѣшили прозвѣе правилъ (el arte)“. Но испанскіе критици жестко искали иль, дѣлиль песни песни, и между прочими и Глеста говоритъ въ предисловіи къ „Teatro Español“ о зрѣломости пьесъ даже эти песни песни. И ни одна изъ нихъ генеръ, второду, но, не существовать, если когда-нибудь и существовало, если не ознакоми сюда „La Melindrosa“ (По-порная).

Но Лопе де Вега очень ясно сознаетъ, что въ правилахъ всякаго рода видичи или предиду сьвѣд своему ценнику. „Когда я собираю писаре песни“ — говоритъ онъ, рассказывая отъ совершенъ, но охробоетно — „я запираю на ключъ всякѣ насравленія и выношу изъ своей комнаты Теренцид и Плавза, чтобы они не свидѣтельсествовали прозвѣе меня, такъ какъ исрума обѣдъ, повенно засравляеть говоритъ и безгласные го, мы, — все это потому, что я иду по слѣдамъ зѣль, козорые искали одобренія золты, козорой нужно

подражатель в ее безумии, так как она пла,
душь за это."

И в Посвящении к «Lo Cierzo por lo Dudoso»,
говорит о драматическом, Лопе де Вега замечает: «En lo,
raña no tienen preceptos». Когда однако они издали
в 1619 году двенадцатый том своих комедий,
он, повидимому, возрадовался, что нисколько больше
заставлено, поэтому что он говорил, что писатель
ишь не для зорли, а для резирмадцати или нлз,
мадцати человек «que tuvo en su imaginacion».
Однако, трудно было бы сказать, как приложили
бы он это замечание к «El Marques de Mantua»,
повестиной сегоного в зорли, и к «Fuente Ove,
juna» (Оберий изобретение) — последней.

Следующую этому приписку, ^{угодивше} т.е. угодившего публике,
Лопе де Вега приписал в смерти драматургическую
правдоподобность и веродивное, географию, историю
и правдивность. Многие приписки погуще бы,
дешишь это. Так в его «Первый король Кастиль,
сколь² собишь захватывающе в нлз нлз половини
XI века и на сцену выходяще царя за 400 нлз
ранше, нлз цесане сжали извещены в Европе.
В нлз «Мидатта» или «El Bastardo Мидатта»
включена нлз ликомь романтическая история о сени
двух Лара. В «Независимой Визорте» («La Limpieza

1) Ch. Arte Nuevo de Hacer Comedias, Obras, Tom. IV. p. 406.
2) El Primer Rey de Castilla.

по Mandada) фигурируют в тексте: Товв, Давидъ, Феремия, Иоаннъ Креститель и Университетъ Саа, манский; а въ „Посидельнъ Христовъ“ (El Nacimiento de Christo) главнѣе охватываетъ периодъ отъ сотворенія мiра до рожденія Спасителя. Такая Лопе де Вега обращается съ исторiей. Но не только обращается отъ и съ географiей, объявляя, что Консепсьонъ находится отъ Мадрида на 4000 миль. Это говоритъ за самую ученая Теодора, которая приводитъ въ свѣщеніе ученыхъ профессоровъ, приглашенныхъ испанца ея.¹⁾ Далѣе, Лопе де Вега заставляя испанцевъ высаживаться на берегъ въ Венгрии. Такая необходимая высадка происходитъ именно въ драмѣ „Animal de Mirdia“. Это напоминаетъ подобную же ошибку въ Мексиканской, Зимней Сказкѣ, но подобно то, что герцогъ де Монте Модильеръ Модовика XIII, около того же времени высказалъ такое же ошибочное мнѣніе лорду Герберку Герберги, бывшему посланникомъ во Франціи (1619—1621).²⁾

А что касается до правдивости, то не легко понять, какъ Лопе де Вега приурочилъ свои мнѣнія на это съ сама со собою драматической практикой. Въ предисловіи къ XX-му тому своихъ книгъ отъ заглавья относительно собою драммы

1) С. в. La Donzella Teodor, конецъ 2-го акта.

2) С. в. Herberts Life, by himself, London, 1809, p. 217.

"Castigo sin Venganza" (Наказание безъ мести - Бяга мщенія или Нудрое мщеніе), это ея заглавіе не, много, потому что всякое мщеніе не нудро и не, законно, - между тѣмъ какъ кажетъ, это полонъ, на его и всея сремляея доказатъ противное. Св. Мен, дору срабуря въ заслугу, что онъ укралъ у своего господина хлѣбныя зерна, чтобы накормитъ голод, малъ иривъ.¹⁾ Колумба Николая Толентинскаго сизауря досрадогами для спасенія одного его род, родсвенника, козорвй развразной жизни чмерь, озрагоценнай смертннай зрѣхомъ,²⁾ и, наконецъ, шесрокое и кровавое завоеваніе Крауко восрабля, еря доблесннай дталомъ одной благородной фра, миліи и украшеніемъ испанскаго оружія.³⁾

Взрвгая подобная нелчпосри, на менте будема здивляея, что Сербанресе, хотя перѣдко и сама дѣ, лавъ закід ше погрѣшпосри, засрабляея кукомъ, того комедіанца воскликнуе: "Разъ не срабуря генеръ на сцену зрѣдги и всея, полннай расякто несообразносрей и нелчпосрей, козорая однако, полъ, зуряея чепѣхомъ и сморрраея не зомко съ одобрені, емъ, но и съ здивленіемъ."⁴⁾

Ма и сламали, что Сербанресе называемъ Лоне де Вегу "чудомъ природы" (monstruo de naturalia) и хотя сама сремляея досрадогуръ чепѣха и слава

1) См. San Isidro Labrador" въ Comedias Escogidas Tom. XXVIII, Madrid, 1667, f. 66.

2) "San Nicolas de Tolentino", Comedias, Tom. XXIV, Zaragoza, 1641, f. 171.

3) "Arauco Domado", Comedias, Tom. XX, Madrid, 1629.

4) Don Quixote, Parte II, c. 26.

на поприще драматического писателя, затым не менее великодушного признавалъ своего великаго соперника единственными владеликомъ сцены.¹⁾ Многие видели въ этомъ выражении Сервантеса сатирическую выходку противъ Лопе де Веги. Но это несправедливо. Это выражение очень обильное въ испанскомъ языке, и хотя его иногда можно истолковать и такимъ образомъ, какъ напр. въ одной изъ главъ *Донъ-Кихота*²⁾, но вообще говоря это эпитетъ весьма похвальный. Такъ напр. въ конце перваго акта драмы Лопе де Веги „Трехкрасная Исидора“ (*Hermosa y bestor*), Исидора, восхищается ея красотою, восклицая:

..... Tanta belleza

monstruo será de la naturaleza.

Итакъ, невольно не приходится сомневаться, что Сервантесъ употребилъ это выражение (туда природы) какъ терминъ удивления передъ изумительной производительностью Лопе де Веги.

Изъ одной сохранившейся до нашего времени сод., свеннорукной рукописи Лопе де Веги оказывается, что онъ писалъ иногда свои пьесы сначала въ формѣ маленькихъ повелль (*pequeñas novelas*).³⁾

Повторяю, его литературный докторинерва и недосудачки, его легкость, грация и находчивость, порывы и сурранности франгазин, — все показываетъ, что, если

1) *Сб. „Comedias“ Madrid, 1615, Prólogo.*

2) *Parte I, cap. 46. „Vete de mi presencia, monstruo de naturaleza.“*

3) *Semanario Pintoresco, 1839, p. 19.*

ба они дали больше прозора своимъ губевающимъ и фантазиямъ, то были бы не только совершеннейшими мимовизажорами, но и замѣчательнейшими писателями въ исторіи всемирной литературы. Но какъ или иначе, несомненно то, что они сдѣлались жемчужиной испанскаго національнаго театра, которой съ тѣхъ поръ продолжаетъ развиваться на основаніи, положенномъ для него гениемъ Лопе де Велы.

Народъ въ драмѣ Лопе де Велы (Въ памфлетѣ С. А. Юрсева. Сборникъ. М. 1891). — Петровъ. Очерки драматическаго театра Лопе де Велы. С.-Пб. 1901.

Переводы: Лопе де Вела: Юрсева. Испанскій театръ звѣзднаго періода XVI и XVII вв. Ч. I. Лопе де Вела. „Наказаніе не мученіе“. Дружескіе Овехуна. М. 1877. — „Звѣзда Севильи“. Пер. Юрсева. М. 1887. — „Собака садовника“. Пер. Пляницкаго (Соч. Зап. 1851).

Испанская драма временъ

Лопе де Вела или школа Лопе де Велы.

Слава Лопе де Велы и его исключительное ире, обладаніе на сценѣ, конечно, во многихъ случаяхъ являлись поистинѣ другимъ драматургомъ; но все же не исключали возможности для многихъ выдающихся талантовъ слѣдовать по его пути.

Самыми выдающимися и самосознательными между
ними были, без сомнения

1570(80) — 1648.

Tirso de Molina

Тирсо де-Молена, принадлежавший к духов.,
к тому званью, назвавшийся собою Габриэлем
Теллезом, но более известный под псевдонимом,
именем Тирсо де-Молена, под которым он издавал
свои сатирические сочинения. Мы знаем, что он доби-
вался цензуров и популяризации на сцене; но
мы знаем из его биографии весьма немногое.

Родился он в Мадриде, вероятно в 1570⁸⁵ г.
Воспитывался в Альколь; около 1613 года посту-
пил в духовное звание; был² приором — казо-
велем монастыря Сориа и умер в 30-и лет,
поэтом, вероятно в феврале 1648 года. По мне-
нию одних, умер он 60-и лет, по мнению
других 80-и. Относительно его литературной де-
ятельности мы знаем больше сведений.

Тирсо де Молена писал Лопе де Вега много,
выдающийся писатель: он написал более 300 пьес,
но большинство газетно погибших; до нас дошло
только 52, все же замечательное количество. Извес-
тнейшая из них, особенно за пределами Испа-
нии, это — «Севильский соблазнитель» (El Burlador
de Sevilla), — прологит, первоначальный зови Дон-
Жуана, обоедманого похотью весь сцене Европы и

1) он доктор богословия, некрограф Старой Кастилии.
2) монах ордена милосердия,

История испанской литературы во XVIII ст.

знакомаго народнои аудитории Италіи, Франціи, Германіи и Испаніи по театральнъ маріонеточнъ и цыпленкнъ романсама. Возь двѣ послѣдней сценѣ на мѣ драмы Тирсо де Молины.

Донъ-Муханъ. Кто тамъ?

Сразуъ Гонсало. Я.

Донъ-Муханъ. Кто ты?

Гонсало. Кавалеръ, котораго вы пригласили къ ужину.

Донъ-Муханъ. А! очень радъ. У меня приготовле, но для двуръ и болше особъ; приборъ посправленъ; садитесь.

Караимонъ. Боже, помоги мнѣ! О, святой Панцунціо! О, святой Антонио! Скажи ^{мнѣ} (мнѣ, развѣ мерзвые поддѣръ? (Сразуъ дѣлаеъ утвердительный знакъ).

Донъ-Муханъ. Садитесь, Караимонъ.

Караимонъ. Охъ, мось, сенсоръ! Я уже кончилъ свой ужинъ.

Донъ-Муханъ. Пойдемъ же! Какая глупость! Боже, съ мерзвца! (слугамъ). А вы, это тамъ борможе, это дѣлаеъ, зрцы? дрозиде!

Караимонъ. Я никакъ не могу пѣтъ вѣкъствѣ съ милецонъ съ зого свѣза, съ каменннма гостель!

Донъ-Муханъ. Если отъ мѣ камня, то въ гелу.

Балугся его?

Казалимонъ. Онъ раздробилъ твою голову.

Донъ-Шуанъ. Пойдемъ! поговори съ нимъ въи, либо.

Казалимонъ. Какъ вы находите розъ свѣтъ? Хорошо ли онъ? Похоже ли на долину, или на гору? Маграсиданозъ ли замъ поззовъ?

Одинъ изъ слугъ. Онъ озвѣчаетъ утвердительно киваніемъ головы на великій вопросъ.

Казалимонъ. Много ли замъ кадаковъ?

Донъ-Шуанъ. Эй, какай намъ вина.

Казалимонъ. Господинъ мерзвецъ, кто-то ли у васъ со льдомъ? О, если бы у меня былъ темеръ ледъ... (Сразу киваетъ головой).

Донъ-Шуанъ. Если вы любите тоніе, то сей, гасъ спозовъ для зедъ. (Сразу киваетъ головой утвердительно).

Донъ-Шуанъ. Пойде!

Казалимонъ. Да, у зтого господина хорошо вкусъ.

Одинъ изъ слугъ. Онъ конечно дворяннимъ и другъ всего прекраснаго.

Донъ-Шуанъ. Двери заперты; я передъ робото. Цего вы догаетъ, зъи, призракъ, или привидѣніе? Ты не изъ числа ли дуиъ сзраидуцикъ? Если вы видите, чтобы въ озношеніи къ зедъ исполнили какай-

либо обязанности, необходимые для злого цыпко, ейд, зо зедь сзюнь зомско сказат мнть обь этомь. Клянусь исполнит все, что зо предимеши. На, слаждаеши ли зо мнрзрвнсьемь божимь, или смерь похизила зедь среди зрвкка? Твори, я не знато, что мнть дьлать?

Тонсало (глухимь голосомь мнрзвца). Обьца, ешь ли зо мнть сдермаеь свое слово, какь слодуеь мнрзному дворянину?

Донь-Муань. Я человекь благородный — и держу свое слово, какь мнрзодийн дворянинь.

Тонсало. Дай мнть руку, не бойся.

Донь-Муань. — Что зо говоримь? Мнть боязся? Да если бы зо былъ самь адз, я и зода подаь бы зедь руку.

Тонсало. Порукот — слово звое и позмаеь руки. Завзра въ 10 часовь я иду зедь къ цшимь... Придеши?..

Донь-Муань. Я зучалъ, что зо пришеь просит мнть о ремь-нидурь болые зрудомь. Завзра я звой гость. Куда мнть приду?

Тонсало. Въ мою камеллу.

Донь-Муань. — Одному?

Тонсало (показывая на Кагалмюна). Мнзь, сь нимь. Сдерши же слово, какь я сдермаь его.

Донь-Муань. Будь спокоенъ: я — Пленорю!

Тонсало. А я — Уллоа!

Донь-Муань. Приду непременно.

Тонсало. Я иду; прощай.

Донь-Муань (пробормотав призраком). Погоди, я по
свою ребу.

Тонсало. Не нуэмо мнэ звоего слова, я уше
освощень.

Донь-Муань (огнемь). Боже мой! я все в пору,
на сердце у меня холодь. Онъ смалъ мнэ руку
закъ силно, что, казалось, я губервовалъ прикоснове,
нэ адкаго огня. Дыханіе его холодно, какъ думо,
веніе пронаспи. Но все эо вздоръ! Всего сурдннэ
на свэзъ — болдзся мерфвцовъ! Этобы золо, полное
жизни и силы, одаренное душою, встем ея способ,
иссрэднн, встем ея разуровнннн — могло болдзся,
нэзъ! ннхрэ не долженъ болдзся ннэ! кро же бу,
дэръ зруславъ до закой сзечени, чтобы дрознар не,
редъ бездумннннн золомъ? Я поиду завзра въ ка,
теллу: мушесрво мое поразуръ и удивуръ Севннго.
Экъ капелла.

Тонсало. Я не совсемъ надъялся на звое слово:
сколько я знаю, зи нрз обманн сднлалн себэ мерушкы.

Донь-Муань. Развъ зы смнзаетъ меня зрусомъ?

Тонсало. Да. Ме зи м, убнве меня, обрэдннн
въ бнхсрво?

Донъ-Иванъ. Твоя правда, но для того роко, что въ
не башъ узнаваемъ. За то генеръ я передъ родою. Ты
можешь сказать мнѣ все, что редъ угодно.

Тонсало. Я приглашаю тебя къ ушину.

Донъ-Иванъ. Хорошо, безподобно! Поужинаемъ же.

Тонсало. Но президе ты долженъ двинуть зоръ
надгробный камень.

Донъ-Иванъ. Если это можеть догравить редъ здо.
волевию, я раскату его до послѣдняго сфолдика.

Тонсало. О, ты силенъ!

Каралимонъ. Зоръ свой воровуно изъ Гвинен
или ниско его не мержь.

Тонсало. Садирест.

Донъ-Иванъ. Туть? (Два маленскихъ призрака
приподвѣръ сучьей).

Каралимонъ. Глупое насил! Они посяръ закъ
те зрауръ и флатдорскую банкю.

Донъ-Иванъ. Садирест.

Каралимонъ. Я, сенгоръ, уже поужинаю.

Тонсало. Безъ возраженій.

Каралимонъ. Я не возражаю. Боже! спаси ме,
идъ озъ зтого меррвца... Какое это блюдо, сенгоръ?

Тонсало. Это блюдо изъ скорпионовъ и эхидны.

Каралимонъ. Безподобное лакомство!

Тонсало. Это кумантъ, козорья ма гдишь. (Ж)

Донъ-Мухану). Не покушаеши ли ты?

Донъ-Муханъ. Я буду всѣхъ, если жебѣ угодно, срамско
настькомакъ и ^{нощанъ} астиговъ, сколко ихъ найдется въ
аду.

Тонсало. Надобно закъше ^{сидиши} что-нибудь.

Караликовъ. Что это за вино?

Тонсало. Оубодай!

Караликовъ. Вино это изъ шелги и укуса.

Тонсало. Это вино, которое мы пьемъ. (Слышишь,
ся ты нѣ).

«Всѣ держатощіе судишь о правосудіи Божиель,
да вѣдатель, что нѣтъ срока, который бы не кончил,
ся, нѣтъ долга, который бы не пришлось уплатишь.
Шивущій въ зломъ мирѣ никогда не должишь го,
ворушь: о, это еще не скоро будешь, когда срокъ пла-
зена закъ королюкъ».

Донъ-Муханъ. Я покушала, прикази убрашь
столь.

Тонсало. Дай мнѣ руку, не бойся.

Донъ-Муханъ. Что ты говоришь? Мнѣ бояться!
Ахъ! Я горю!.. Пузи меня! Пересрами обдавать
меня огнемъ, который помираешь жебѣ.

Тонсало. Всѣ это ничто въ сравненіи съ пла-
метель, которое ты заслужилъ и которое увидишь
жебѣ. Донъ-Муханъ, пузи божий — неспособиши.

Вам угодно было, чтобъ вы предъ мэрзвцомъ отдали озеро въ своихъ пресужденияхъ.

Донъ-Муханъ. Еще разъ говорю ребѣ, я горю. Если вы будете знать меня такъ хорошо, то горе ребѣ: я убью ребѣ огнемъ ударомъ кинжала. Ахъ! я гурьваю, что усилія мои напрасны: кинжалъ мой поразаетъ воздухъ. Я не обезпечилъ своей дочери: она открыла мого хурьсу предъе, наемъ и я усилъ воспользоваться ею.

Тонсало. Все равно! Развѣ вы не хотѣли совершить пресуждение?

Донъ-Муханъ. Позвоитъ мнѣ призвать священника, который бы исповѣдалъ меня и оштрафовалъ мнѣ грѣхи мои.

Тонсало. Теноръ уже не время, вы вздумали объ этомъ слишкомъ поздно.

Донъ-Муханъ. Мракъ вошь какая ужасъ постигла меня!.. Огонь помираетъ моего вурренное!..

Тонсало. Такъ совершается правосудіе божіе. Мнѣ долгъ, котораго бы не примлоетъ замарить. (Тробица пробаливается вѣнеть съ Донъ-Му, атомъ и Командоромъ).

Первои озеръ характера Донъ-Мухана, сии, саниаго, какъ говорятъ, съ одного изъ членовъ знаменитой Севилской фамилии Теноріо, было въ,

Ведеть на сцену Лопе де Вего во взоромъ и зреть,
 емь акраъ его комедии „Dineros son calidad“ (Денги
 замѣняютъ достоинству), гдѣ герой въ столкновѣннн со
 участникомъ явленіями невидимаго міра проявляетъ
 замѣлательное присущіе духа и оцроуміе. Въ зтой
 пьесѣ пьесе Лопе де Веге естъ похоторый подробности
 (какъ-то упомипаніе о прогуливающейся каменнѣ
 сразу), козорый не озаблываетъ соинтонитъ въ зтой, что
 Пирсо де Молина воспользовался ею. Но въ характерѣ
 героя Л. де Веге нтъ ничего оуракивающего. Пир-
 со де Молина первый вывелъ на театральные подмоз-
 ки Донъ-Жуана, въ видѣ геловника, соединяющаго въ
 себѣ беззаботную удачу въ крайнѣй правезветной рас-
 пущенности, — геловника, у козорого единственныи
 мозивомъ дѣйствіи являетъ маида куборвеннаго
 наслажденія, и козорый при зтой оуракаетъ жакимъ
 похоромъ и спокойствіемъ духа, что способеть смѣ-
 лреть даже среди окружающнхъ его участовъ свер-
 есезветнаго міра.

Идея зтого гина весьма увлекаетелна, несмотря
 на то что онъ неодоленъ въ правезветномъ смыслѣ.
 Возъ поелу вкарте пьесе своего подвленія онъ
 былъ перенесенъ на подмозки неаполитанскѣй
 сцены, а изъ Неаполя, съ зружной италіанскнхъ
 актеровъ, онъ перебрался въ Паризъ. Прославившаяся

заключены образцы итальянская пьеса о Дон-Жуане (Don Giovanni) была просуммирована переводом комедии П. де Молины. Она имела большой успех в 1656 г. на подмосковной придворной итальянской труппе в Париже. С ней связано было два или три франц. музыкальных перевода, а в 1665 г. Мольер поселился на сцену свою комедии „Festin de Pierre“, где воспользовались не только текстом, но и диалогами Пирро де Молины, познакомились с формой с оригиналом, и с произведением испанского гения.

О том, как образцы этой пьесы испанский бы, попал через Италию во Францию и откуда, благодаря Мольеру, распространился по всей Европе, см. между прочим Parfaits, „Histoire du Theatre Fran. cais“ (Paris, tom. VIII и IX 1746 г. и tom. X 1747, p. 420). В основу пьесы Шеддера „Libertine“ (1675), в сущ. по сути, тот же самый сюжет, но только обставленный большими ужасами. Он послужил камнем для небольшой драмы, часто разыгрываемой на американских театрах. На немецком языке существует превосходный перевод пьесы П. де Молины („Wladimir de Sevilla“) разбитый подлинника, сделанный Дорнелем в его „Franzische Dramen“ (Band I, 1841). Существовал еще перевод Трауготтса в его „Dramen nach dem Spanischen“ (Frankfurt, 1856, 7. I.). Немецкий

Драматургъ Траббе написалъ трагедію „Don Juan und Faust“ и въ изслѣдованіи Э. Т. Брауна „Миѳра, журналь исторіи гитана Д. Жуана“ (1889 г.) приведены мною, близкая доказательства вливія этой слабой пьесы даже на „Камееннаго Тоска“ Пушкина.”

Съ страннымъ принудливымъ характеръ, созданный испанскимъ поэтомъ, обошелъ весь міръ подъ именемъ Донъ-Жуана. Благодаря своимъ глумливымъ особенностямъ, снужавшимъ весь театръ драматическаго интереса, онъ вступилъ возбуждалъ оубраженіе, снѣтманное съ умасомъ. Антонио Загора, писатель первой половины XVIII вѣка въ Испаніи, Пломасъ Корнеа въ Франціи и лордъ Байронъ въ Англіи болѣе всего помогли его популярности, хотя генію Моцарта, какъ кажется, болѣе всего удалое помирить цивилизованное общество съ зѣлными спороками Донъ-Жуана. О томъ, насколько исторія Донъ-Жуана до сихъ поръ популярна въ Испаніи, можно судить по ея новѣйшимъ передѣлкамъ и особенно по двумъ пьесамъ Хосе Соррилья „Don Juan Tenorio“ (1844) и его двумъ поэмамъ „El Desafio del Diablo“ (Вызовъ дьявола) и „Ми Festigo de Bronce“ (Мѣдный свидѣтель), 1845 г., не менѣе драматичны, чѣмъ, чѣмъ предшествующія имъ пьесы. Это на снѣхъ исторіи сюжета Донъ-Жуана, этого вѣчнаго

1) Ср. легенду о Донъ-Жуанѣ' Алексѣя Веселовскаго въ его книгѣ „Этюды и Характеристики“, Москва. 1894.

стоища, Эгого, но вельмь схранамь схраняющаго,
своего рода, вьогнаго шуда, Эгого по порывамь схра.
срэй, своего рода Трауса.

Но въ самой Менаии Эгозъ, Севильскій соблазна,
зельб" (de Virgator de Sevilla) никогда не болмь для нуб.
ликмь модилмьиммь изъ произведеній Турсо де
Молиты. Эра часъ принадлежишь комедии, Don Gil
de las calzas verdes (Донъ Гилъ въ зеленыхъ пантало.
нахъ), которая написана въ комилекомь родъ. Эгозъ
ея фрадула: Геронтия ея Донья Луана, Валльдомидская
дама, подло брошенная своимь возлюбленнымь, оз,
правляется за нимь въ Мадридъ, гдѣ излѣтничать хо,
черъ цуронъ себя болмь выгодно паррето. Въ мад.
ридѣ, въ зеченіе двухъ недѣль, пока Ч.мизъ дѣлзвие,
она являетъ зо въ дамскомь костюмѣ, подъ именемь
доньи Эльвира, зо въ мужскомь подъ именемь Дона
Киль, но ни разу, до самого конца, подъ своимь соб.
срветнымь. Представалъ зо музигиною, зо менци,
ной, она искусно разсраивала вѣсь планы и раз,
срета своего невѣрнаго любовника: она влѣбляеть
въ себя его повую возлюбленную; она пишеть сама
себѣ письма какъ бы озъ лица дамы къ кавалеру;
она выдаеть себя зо за своего содсрветнаго любовни.
ка, зо за другія не существующія личности. Въ Вал.
льдомидѣ семъ спизаеть ее умершею. И возъ, два ка,

балера, одишь съ определенной целью, другой случай, но, появляюся въ Мадридъ, оба одыше въ зеленый костюмъ, весьма сходный съ золью, какой носилъ она. Милъ ^{взреть} принималюся за одно и зо же лицо; отсюда происходюся закавъ невообразимая пураница, что испуганный женихъ и содервенный оруженосецъ Хуаны, видявший ее золью въ Мадридъ и придоумъ всегда въ музыкальномъ плахъ, напимаюся въришь въ какого-го зеленого духа, пришедшаго съ зого свѣта, тоды шесроко озисришь за несправедливоствъ и оби-ди, презертанныя ишь въ земной тизни. Въ мо-ментъ, когда испугъ и ушасъ доходюся до высшей степени, запуранный узелъ интриги внезапно рас-пузыраюся и вльеро одного брака, козорнй горобъ болл раздронюся, сразу заклогаюся зри брака. Въ эту минуту на сценъ появляюся перепуранный оруженосецъ со шляпой, полной восковомъ свѣтъ, и въ плахъ, увъшанной образками свѣзаль, и, крокъ всталъ присурьвующихъ свѣзого водою, восклицаетъ:

«Зствъ ли нзъ вась кро-либо, кро молуся задучу моего господина, козорнй въ своихъ зеленыхъ панталонахъ испариваетъ адскія мучки?»

Когда же его госпожа взреть оборачиваетъ и спрашиваетъ, не съ чна ли отъ сошелъ? зо бѣд-ный оруженосецъ, узнавъ голосъ своего господина

и видя его превращенного въ даму, приходитъ въ
свѣршанный ужасъ и, дрожа, бормочетъ:

„Заклинаю тебя ранами прокаженныхъ, чуди,
скройся отъ меня!“

Донъ Хуана. Безумецъ! Да вѣдь это я, Донъ-
Хуанъ, твой господинъ, твой зѣлокъ и душа. Разъ,
въ тебѣ не видишь, что я говорю со всѣми и что
меня никто не боится?

Сружменосецъ. Мужчина или женщина?

Донъ Хуана. Я женщина.

Сружменосецъ. Довольно, довольно! Этого вполне
достаточно, чтобы свести съ ума зрителя мировъ. —

И въ Миль-Блазъ, извѣстномъ романѣ фран-
цузскаго писателя Лесажа, мы встрѣчаемъ подоб-
наго рода содержаніе, гдѣ подло брошенная сво-
имъ возлюбленнымъ дама, перерождается женщиной,
искусно раздуривающъ весь планъ и разсѣвъ своего
невѣрнаго любовника. Но главная особенность
разсматриваемой здѣсь комедіи П. де Мольера за-
ключается въ ея крайне сложной и искусно ве-
димо изъяснить. Изъ иностранцевъ лишь весьма
немногіе способны понять ее при первомъ оче-
неніи или на первомъ представленіи. Между тѣмъ
Донъ Хуанъ въ зеленыхъ шпанахъ былъ всегда по-
пулярнѣйшей пьесой испанской сцены и самоту

просоду и невъзмезденному зризелю-испанцу
 вся эта сложная музаница досрабляеть одно лишь
 удовольствие. Эту песню можно считать самым вы,
 дающимися образникомъ комедій индрии на ка,
 стильскомъ языкѣ. ✕

Совершенно непохожа на двѣ предыдущія, и
 въ некоторыхъ отношеніяхъ лучше иль обѣщать,
 комедія „Защитливый во дворцѣ“ (El vergonzoso
 en palacio). Сюжетъ отчасти заимствованъ изъ исто-
 рии Дона Педро, герцога Коимбрского, который былъ
 одно время регентомъ Португаліи, а затѣмъ былъ
 свергнутъ въ 1449 г., во время народного бунта.
 Пирсо де Молина изображаетъ его скрывшимся
 въ горы, гдѣ онъ, переодѣтый пасухомъ, воспомина-
 етъ своего сына, въ полномъ невѣдѣніи своего высо-
 каго происхожденія. Эрозъ юноша, по имени Ли-
 рено, и есть пасуходный герой пьесы. Одаренный
 возвышенными губерванн и большими чинами,
 возвышающими его надъ низменной средой, онъ
 отчасти подозреваетъ тайну своего происхожденія,
 убогаетъ изъ своей музани и являеться ко двору
 показавъ спасуся. Слугаи благопріятельствуютъ ему.
 Отецъ поспунаеть на службу къ одному королевско-
 му любимцу и увлекаеть его догъ, дѣвчужку на,
 сколько же развѣзнуто и съильно, благодаря своимъ

автора, однажды одинъ касимскій принципъ испол-
няетъ въ ней главную роль.¹⁾

У Писарро де Молины есть и историческая драма,
какъ „Менское Благообразие“, картина борьбы аристок-
ратии и королевской власти. въ среднѣе вѣкаль;
„Выборъ за добродѣтель“ — исторія Сикста V. Здесь сто-
итъ вопросъ являюща именно избраніе и правленіе па-
пы Сикста V. Нѣкогорая изъ свѣтскихъ драмъ этого
автора основывается главнымъ образомъ на недавнихъ
и доподлинныхъ историческихъ фактахъ. Таковыя
„Подвиги Писарро“ („Trilogia de las hazañas de los Pizar-
ros en el Nuevo Mundo y sus aventuras amorosas
en la metropoli“ — Трилогія о подвигахъ семейства
Писарро въ Новомъ Свѣтѣ и объ ихъ любовныхъ при-
ключеніяхъ на родинѣ).²⁾ Другія основаны также
на фактахъ, но съ болшею примѣсью вымысловъ,
какъ напр. уже упомянутая пьеса „Выборъ за добро-
дѣтель“, исторія папы Сикста V.

Изъ духовныхъ драмъ П. де Молины „El condenado
por desconfiado“ („Проклятый за недоверіе“) сгущается
лучшею пьесой этого рода въ испанской литературе,
но содержаніе ея доказываетъ, до какой степени ка-
толичество извратило даже религиозную поэзію
народа: озшельство, беднотѣ сакуро приключенію,
благочестивую жизнь, впадающъ во власть дьявола и

1) Изъ его комедій можно назвать еще „Донъ-Табриель“
и „Кресальника изъ Сагра“.

2) Здесь авторъ проявилъ необдуманное богачество и мощь свое-
рабы французизма.

подвергается осуждению за то только, что усомнился
 в догматы милосердия, тогда как в то же время
 самый гнусный злодей полуграждь втыкает блажен,
 счастливо и осыпается благодарств. за то, что звердо выпрыг
 в него. Только в озеревать инквизицим и иезуи.
 ризма' могло зародиться такое гудовишное учение.
 Римский драмы П. де Молима и то аурою, как
 и следовало ожидать, так же пельны, как и подоб.
 ный те произведениа других поэтов того времени.
 Но диалог его несь замьгазельны символы и есфес.
 венностию.

Кроме того в обработке своих сюжетов он об,
 нарушиваеь какую-то капризную оригинальность.
 То он напинаеь свои комедии совершенно просто
 и живо, как напр. ду, где в первой сцене изобра.
 таюзея приключенія во время боя быкови (La Leal,
 tad contra la Invidia); то он с разу выводит на
 сцену суматоху, происшедшую вслѣдствіе опрокину.
 таго экипажа ("Por el Estano y el Torno"); то, наконец,
 он, не опасаясь навески доску на зрителей, прерыва.
 еь ходъ первого дѣйствія филитомъ описаніемъ,
 снуховъ въ театре ("Escarmientos para Cuervos"). Едва
 ли не характеристичные всьхъ пьеса Любовь изъ
политическихъ соображеній ("Amor por razon de estado"),
 козораь открываеь сценой передъ балкономъ дамы,

1) замьгаеь Пиккорь.

со всеми атрибутами в чиро-кастильском духе, веревочной лестницей, дуэлью и т. д.

Главная недосказка Писроде состоит в описании разнообразия во характерах и сюжетах, во слишком газном переодетваніи женщины, необходимости для хода действия, и возмущающего неуми, илии многих подробностей и эпизодов, вовсе не оправдываемых необходимостью. Последний недосказокъ злым болтовне бросается въ глаза, что авторъ былъ извѣстнымъ духовнымъ лицомъ и уважался въ Мадридѣ проповѣдникомъ.

Общій доскопекъ Писроде состоитъ, кромѣ замѣчателнаго діалога, въ нестройности извѣ, брѣзливости, въ утомлени публики сюжетъ сюжетъ, кой веселостью, въ необычайномъ искусствѣ владѣти своимъ роднымъ кастильскимъ нарѣчіемъ и, наконецъ, въ его силѣ, главномъ и гармоничномъ во вѣсьмъ родахъ размеровъ, модныхъ Мадридской публикой, которая суровѣе относилась къ силѣ, чѣмъ ко вѣсьмъ осязательнымъ элементамъ драмы.

Какъ бы однако ни были разнообразны и при, чудливы формы драматическихъ произведеній этого поэта, все же отъ въ сущности остается върыиымъ почитователемъ Лопе де Веги, заслужившимъ себѣ право званія для своего великаго учителя. Писроде

де Мольера сама острокровенно создается во Эроме, спуская для себя пестро принадлежать к школе Л. де Веге, и чуждо и обезродственно защищая свои принципы и приемы, как оппозицию школе классической. Защита эта, вполне заслуживающая нашего внимания, издана в Мадриде за 12 лет до появления Корнелевского „Сиды“ и в знаменитой степени она, редила знаменитый парижский спор об адмиссуре Аристодела, спор вызванный в 1636 г. постановкой этой пьесы. Позднее, как известно, новья правила драмы сдѣлались основой драматической теории Корнелля, Расина, Вольтера и Мессинга.

Какъ драматическій писатель, Тюрсо де Мольера оставилъ намъ пять комедій, изданныхъ между ду 1616 и 1636 годами. Кроме того знаменитое комедіе его пьесы разбросаны по другимъ его изданиямъ или же напечатаны или сданы односторонними книжками. Въ его драматургіи преобладала сатирико-драматическая школа, но нравственный уровень его комедій далеко ниже обыкновеннаго и многія изъ его комедій, произведеній содержатъ въ себѣ мѣста до такой степени скабрзныя, что буржуазство и инквизиція безусловно запрещали чтение или инсценировку, исключила изъ нихъ много мѣстъ за грубость и неприличіе. И эти мѣста обиваются, почему такъ часто

произведений этого поэта соизвещают величайшую бедность, лирическую редкость, за то многие его песни, некие способные оскорбить нравственное чувство, надолго удержали место в репертуаре и до сих пор пользуются большой популярностью в народе. Пятиязычное издание произведений Тирсо де Молины содержит пятьдесят девять песен и множество entree, тесел и романсов. Сами авторы (в предисловии к своимъ „*Cigarrales de Toledo*“, 1624г.) заявляют, что они написали зрису песен. Изъ них, по мнению Тирсо, было написано не более восьмидесяти.

А. Мюллеръ судитъ о Тирсо де Молине въ слѣдующихъ словахъ: „Большой французский и сильный членъ Лопе де Вега (принимая его потому что переходилъ въ рязскую сакуру), отличающагося чрезвычайно энергичной карикатурой, хитрой тонкостью, но въ то же время и крайне произвольными зловещими, и, сверхъ того обладающаго блестящими и глубоко-поэтическими языками, Тирсо де Молина, хотя не меньше, достигъ только умеренной известности. Изъ его наиболее серьезныхъ вещей больше всего известны „Каменная роза“, какъ первообразъ *Донъ-Жуана*.

Кеведо (1580-1645).

Однимъ изъ плодотворнейшихъ писателей своего времени былъ Франсиско Томасъ де Кеведо и Виллегасъ

У о кагоранде рачъ будора вносидефви,

(Francisco Gomez de Quevedo y Villegas), современника Сервантеса, Лопе де Веги и Шурко де Молиты. Он родился в Мадриде в 1580 г. Семья его была родом из северо-вожогных горных стран, и происхождение свое он, как и прочие испанцы, очень гордился. Мозг его очень нестра и полна страданий и трудов. Отец его занимал довольно важное место при дворе Филиппа II, благодаря чему он в эпоху рожденья своего сына жил в столице, — обещая, вероятно, имевшее несомненно весьма благоприятное влияние на развитие дарований юного Кеbedo. Уже в пятнадцать лет он получил степень доктора богословия в Алкаласском университете, где ^{он не только} изучил почти все европейские языки, древние и новейшие, наиболее для него полезные, но изучал и все науки, включил в круг своих занятий гражданское и церковное право, математику, медицину, физику и многие другие отрасли человеческого знания. В Кеbedo с ранних лет зародилось самолюбивое стремление овладеть всеми знаниями. И действительно масса приобретенных им знаний была громадна, что и доказывалось множественно научными сочинениями, разбросанными в его сочинениях и свидетельствующими об его неутомимом прилежании и необыкновенных

дарованія хъ.

По возвращеніи въ Мадридъ, молодой ученый сошелъ, ся и съ наибольше извѣстными учеными и съ фрей-кемъ, медальнаго молодешнаго зого времени. Приключеніе, въ которомъ по глупству геси отъ случайнаго дознанія бѣль притяръ часяіе, едва не оказалось роковымъ для его высокими суремленій. Мещинъ, погтенной на видъ, въ время богослуженія въ одной церкви Мадрида, на срачной медаль, было нанесено въ его присущевіи грубое оскорбленіе. Кеbedo возунился за нее, хозъ и оскорбиделъ и оскорбленая бѣль ему равно неизвѣстны. Дуэль соорудилась ууъ же на мѣсць и Кеbedo оказался удѣйцемъ лица высокопо, сравленнаго. Онъ послѣшмилъ покинуть Мадридъ и отправился искаръ удѣшмилъ въ Сицилію. Здѣсь Кеbedo получили приглашеніе явиться къ пискому двору герцога Оссуны, вице-короля Филиппа III. ^{Герцога} ~~Короля~~ вскоре за тѣмъ поручилъ ^{Кеbedo} ему важныя государственныя дѣла, зредовавшія лижнаго муче, сра и даме подвергавшія мизръ его опасности. Въ Венеціи, въ 1618 г., отъ спасся отъ рукъ право, судія золско благодаръ козруму ницаго и своему превосходному венеціанскому выговору. Его обвинили въ часри въ какомъ-то заговорѣ. Въ подтвердіе возведеннаго на него обвиненія, Кеbedo по приговору

венецианскаго сената и согласно обаязку и кнвн,
зичин били заочно осудены на соизменіе, хотя
отъ нисколько не били виноваты въ зомъ, въ гелъ
его обвинили.

По окончаніи срока управленія Сицилією гер-
цогомъ Осуною, въ 1615г., Кеbedo били посланы въ
Мадридъ, въ канцелярїю уполномоченнаго, для твер-
жденія за испанской короной признаваемыхъ уже
за него правъ на доходы съ острова и для предло-
женія новыя субсидій. Тотемъ съ заклими придрны,
ли въ судъ не могъ, конечно, буре дурно принять.
Его пресимій прокуроръ (на дузи) били забуре; ему
назначили пенсію въ гезареса дикаровъ и отъ вернул,
съ, покрываіи погездли, къ герцогу, своему наррону,
назначенному во время его осуденія на больше вои-
ний и погезовой поуръ вице-короля Неаполитанскаго.

Въ Неаполъ Кеbedo получилъ порученіе министра
финансовъ и съ заклими искусствовъ и гезносуго
исполнилъ обязанности, сопряженныя съ его должи,
поуръ, что, не обременяя народъ новыи нало-
гами, значительнo увеличили доходы государствъ.

На него также было возложено порученіе вести
важные переговоры съ Римомъ. Въ 1617г. отъ снова
послали Мадридъ и били такъ милосриво принять
королевъ, что удостоился возведенія въ санъ рыцаря

ордена Св. Луки. По возвращении въ Мекленбург, или въ течение дебаржи мѣсяць, проведенныхъ имъ въ Испаніи, Кебедо заключилъ договоръ съ Венеціей, Савойею, а также съ папою, и почти постоянно былъ занятъ разрѣшеніемъ юридическихъ и цезкополитическихъ дѣлъ, касающихся до администраціи герцога Оссуны.

Но въ 1620 г. все измѣнилось. Торцовъ всталъ въ неимовѣе и все его министерство раздѣлило часть своего повелѣнія. Кебедо былъ отправленъ въ изгнаніе въ пасторальное свое имѣніе Шторре Хуанъ Абадъ и въ другія мѣста, гдѣ онъ выдержалъ всего два съ половиною года заключенія или ареста и затѣмъ былъ вынужденъ на свободу безъ суда и безъ обвиненія въ какомъ либо определенномъ преступленіи.

Последній соборъ, наконецъ, излѣчилъ его отъ всякаго суремленія къ общесудетивнымъ поестямъ и королевскимъ милостямъ. Онъ оказался отъ предложенныя ему мѣсяць государственный секретаря и посланника въ Генуѣ и принялъ званіе конна, калсно званіе королевскаго секретаря. Теперь онъ рѣшился посвятить себя исключительно литературѣ и оцарелъ въ ренѣ этой цѣли до конца дней своихъ. Но хотя онъ съ зрѣль порѣ и не занималъ болѣе ни какого официалснаго положенія, звалъ же мѣняе

Исторія испанской литературы въ XVII ст.

по временамъ принималъ участие въ обсужденіи общесудебныхъ вопросовъ своего времени, какъ это видно изъ только что упомянутыхъ его сочиненій, а именно, судя по его мелкимъ сочиненіямъ, можно думать, что онъ никогда не относился равнодушно къ вопросамъ дня.

Очень поздно, въ 1634 г., ушелъ на 54 году своей жизни, Кеведо женился, но жена его вскоре умерла, оставивъ его одного бороздя съ шизанскими невзгодами, продолжавшими преследовать его. Въ 1639 г. король напелъ за обѣдомъ подъ своей салфеткой сатирическіе стихи; надлежавшаго дознанія сдѣлано не было, но въ сочиненіи ихъ обвинили Кеведо. Онъ былъ арестованъ поздно ночью съ большою помпозностью и заключенъ въ домъ герцога Медина-Сели, увезенъ и подвергнутъ строгому заключенію въ тюрьмѣ монастыря Санъ-Марко-де-Леонъ.

Пребываніе въ сырой и зловонной земницкѣ ока- зало вредное вліяніе на его здоровье; открылись болѣзни, отъ которыхъ онъ никогда не могъ оправдаться. Созданіе его было конфисковано и онъ для поддержанія своего существованія долженъ былъ обращаться къ благотворительности. Вѣтъ въ зрѣлыя прекосудья былъ причисленъ безсовѣстный коро,

левский фаворитъ герцога Оливареса, и гитъвъ, воздужъ,
денной или въ души Кеведо, можеть служить дооза,
зочнымъ оправданіемъ двухъ пачфлеровъ, полныхъ
губерва пенависери и логного озлобленія прозива
мншехра герцога Оливареса.

Послы почти обублгозлого зарогенія мнше
отъ Оливаресу раздрающею душу письмо, въ кою,
ромъ отъ зщезно възываеъ къ губерву справедливо,
сри своего гоншеля и говоритъ въ откладній: „Ни
милосердіе не можеть придаѣ мнѣ нѣсколькихъ
лѣзь ризни, ни шесрокоеъ озидѣ иль у мена.“
Мъь одного письма къ своему другу Адамуде ла
Парра видно, что отъ баль грезываитно Дядзелень.
Замарія слышнли ему главнмъ средубольмъ развлече
нїа во время зарогенія. Въ посвященїи своего со
чиненїа „Жизнь св. Павла“ президеву Касрлин, отъ
всѣма оригинално описываеъ свой аресеъ и заклю
ченїе: „Я бмъ схваченъ самымъ шесрокимъ образомъ
въ одиннадцатъ часовъ ночи 7го декабря (1639г.) и сротъ
постымно увезенъ, что, не смотря на мой преклон
ные года, не имѣль времени запаснелъ нѣмьль не
обходимыль, какъ что офицеръ, аресовавшїи мена,
въ видѣ милосри, снабдилъ мена ^{свои} байковильмъ пла
щельмъ и двѣма рудашкамм, а одинъ изъ алвази
ловъ подарилъ мнѣ пару чулокъ. Я провелъ въ за.

зачиніи гезире года — два изъ нихъ, какъ дикій звѣрь,
въ одиночномъ заключеніи, лимонный всякаго об-
щешія съ людьми, и умеръ бы отъ лимоній и голода,
если бы не подошла мать на помощь благозвѣ-
риженности герцога Медина-Сели, замѣняющая мать
до снѣхъ поръ мой вотчинный владѣній. Отъ этой
цѣли изсѣкивать бѣдствій я былъ освобожденъ, благо,
даря правосудію и милосердію его величества, обративъ,
того на меня вниманіе вслѣдствіе просьбы вашего
превосходительства, въ чьи руки я и передалъ мое
дѣло, при производствѣ котораго не было заявлено
ни одного свидѣтельства противъ меня, ни разу не
призывали меня къ допросу, а по освобожденіи не
оказалось ни одного юридическаго документа оуно-
снѣгающаго къ моему дѣлу. Заключеніе Кебеда дли-
лось съ 7го декабря 1639г. до начала іюня 1647г.

Наконецъ часъ паденія любимца насталъ и среди
всеобщаго ликованія Мадрида Оливаресъ былъ от-
правленъ въ изгнаніе. Кебеда, какъ и слѣдовало
ожидасть, былъ зочтася же освобожденъ, ибо уже
снѣло извѣстно, что другое лицо было авторомъ сати-
рическихъ сужденій, за которые онъ несправедливо
вынесъ цѣловѣтъ гезире года самыхъ жестокихъ сур-
даній. Но правосудіе было ему оказано слишкомъ
поздно. Правда, онъ провелъ нѣсколко времени въ

Мадридъ среди своихъ друзей, выказавъ верную себѣ часть
узраченного состоянія, но не успѣвъ въ зданіи и не имея
средствъ жить въ столицѣ, онъ удалился въ горы, на роди-
ну своихъ предковъ. Однако эти недуги сопровождали
его повсюду; перенесенное имъ заболевание и опогрелія
надломилъ его энергію и отъ смерти въ 1645 г., исто-
щивъ все свои силы въ борьбѣ съ жизнью; отъ смерти
отъ двухъ ^{голландскихъ} паривовъ, образовавшихся у него въ груди
во время его послѣдняго заключенія.

Существующая о Кеbedo проебранная біографія.
По мнѣнію Шикнора ни одинъ изъ испанскихъ пи-
сателей не вознагражденъ закъ зрюдовъ комментатора
и ни одинъ закъ не пользуется въ объемихъ елѣнѣ
примѣчаніяхъ какъ Кеbedo.¹⁾

А. Поздическія
произведенія
Кеbedo.

Кеbedo, какъ ^{поэти-} писатель, пробовалъ свои силы въ
самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ литературы, ко-
нечно и въ области драматической поэзіи. Изъ его
драмъ двѣ, еще при жизни ихъ автора, были разыгра-
ны съ большими успѣхами на мадридской сценѣ.
Кромѣ этихъ драмъ, названіе козорыхъ какъ не-
извѣстно, онъ написалъ въ сотрудничествѣ съ Ан-
тонио Уррадо де Мендосой драму подъ заглавіемъ
"Кто больше вретъ, тотъ больше возвышается" (Quien
mas miente, mas se mas). Драма эта была написа-
на по заказу герцога Симбареса, впоследствии викария

¹⁾ У него много есть какъ поэтическихъ, такъ и прозаическихъ произ-
веденій.

мисфико посужившаго съ Кеbedo и предназначаеаа для пашного праздника, цезроеннаго Фумль расцо, чифельналь мисисуровъ въ цезр Фриллипа IV нака, цунья Иванова днъ, праздника, съ козорель мь цуне ознакомилелъ у Лоне де Вели. — Въ цисль дра, мазическихъ произведеній Кеbedo было десязъ, въ „*Entretenes*“ и десязъ „*Rayles*“. Пикпоръ полагаель, что нъсколко пгерь Кеbedo до снль поръ осязоель неизданнами.

А шургоный срихо,
Флорель-мъселки

Что касаель до ея срихозвореній ^{Кеbedo,} (фо нъсколко наль извъсно, онь не издалъ ничего подъ своимъ именель, за исключенель переводовъ изъ Эпикреда и Фрокилида, но за фо нъкозорель изъ его мелкиель срихозвореній помъцель вь издизтоель и любонь, помъ сборникъ друга его Педро де Эспиноса, озглав, лельноль „*Flores de poetas illustres*“ и изданноль, ког, да Кеbedo было всего двадцязъ пдъ лъзъ. Замьогарель, но, что въ эромъ по всей вьродуности первомъ дебь, ръ Кеbedo на поэтическомъ поприщъ ясно сказа, лель его будище поэтическое направлель и что два или зри изъ эмиль раннихъ срихозвореній, какъ напр. одно, начинаюельея словами:

Poderoso cavallero „мощельсвельтый рыцарь—

Es Don Dinero etc. Довъ Дельри,

мощно срицаръ въ цисль его маболъ удалныхъ

1, нъкозорель изъ нихъ были изданы его племянникомъ расъво въ „*Tres Ultimas Musas* 1670“ и расъво въ „*Entretenes Nuevos* 1649“.

поэтических описаний.¹⁾ Хотя само оно едва ли издава-
лось одно из своих суждений, но количество
после его смерти представляло весьма значитель-
ную цифру, гораздо больше значительную, чем та,
какая нашлась между его бумагами посколко
после смерти. „ Не сохранилось и двадцатой части
суждений, о существовании которых при жизни
автора знало множество людей и которых, благода-
ря моим посредничеству и дружеским отноше-
ниям с ними, я много раз в руках, гово-
ривъ Гонсалесъ де Саласъ.²⁾

Причиной этого было, вероятно, по обязанности,
что недалеко до смерти, ^{Хаведо} отъ домыслилъ представить
все свои сочинения инквизиционному суду, для того,
чтобы не быть прозванной приличию и скромности, бы-
ли вольными. Однако же изъ его суждений, кото-
рым легко было разыскать, все написанное: первый
томъ его ушелъ в дружномъ Гонзалесовъ де Саласъ
въ 1644 г., а остатокъ въ 1670 г. его племянникомъ
Педро Андерезке подъ изысканнымъ заглавиемъ:
„Испанскій Парнасъ съ двумя вершинами и девятью
кастильскими музами“.

Обширнейшимъ изъ девяти орденовъ является ор-
денъ, носившій имя Сталин, богини безоскусащеннаго
сельскаго оустроумия, а также и комедии. Днейсшею

1) С. И. Собрание Демиозы, Flores de Petas Ilustres, Madrid, 1605.

2) въ предисловии къ первой части „Musas de Anevedo“, 1648 г.

наиболее характернейшей чертой этого сборника, — это сжатый и грубый тоноръ и сакура, охватывающая. ся мѣстами подражаніемъ древнимъ, въ особенно, сти Ювенталу¹⁾ и Теренцію²⁾, но чаще изобилующая дву. словесленностью, остротами и намеками, козо. расе стали теперь совершенно непонятны. Комиче. скіе сонеты Кеbedo, — подражаніе прагматическимъ стихотвореніямъ этого рода, — лучшие изъ существ. вующихъ на касульскомъ языкѣ и представляють собой рѣдкое соизвѣстіе горечи и остроты. Нѣко. зорые изъ его романсовъ могутъ также занять первое мѣсто въ ряду произведеній этого рода; пѣрвая ^{оде} часть романсовъ, написанныхъ имъ на диалектѣ изганскомъ діалектѣ, съ самаго ихъ появленія при. шлись чрезвычайно по вкусу низшимъ классамъ народа. Весьма недавно ихъ можно было слышать наравнѣ съ другими народными пѣснями, раями, вальсами по всей Испаніи поселянами и солда. тами подъ аккомпаниментъ гитары. Въ серьезной сакурѣ Кеbedo есть болѣе густо по слѣдамъ, прологическимъ Ювенталомъ и въ своихъ, Малодахъ на разбращеніе нравовъ въ Касульи и въ «Опасно, сдѣхъ суррушесва» можетъ быть приписаны къ числу самыхъ сжатыхъ и касульскихъ послѣдова. телей римскаго сакурика. Последняя — Опасность

1) 42 — 122 по Р.Х.

2) 34 — 62 по Р.Х.

супружества - итальянско-губоваца, но и не наедрок,
 ко какъ ея образецъ. Нтъкозорый изъ его любовныхъ
 стихозворений, а также стихозворений на религиоз-
 ные сюжеты, въ осоденности же, въ козорыхъ преобла-
 дають меланхолическїи тонъ, исполнены прелести
 и поэтичности, какъ напр. итальянско стихозворений
 въ оудельтъ музы Драго, посвященныиъ „Фрильдо“,
 метичинъ наиболъе мнѣ любимой. Разъ или два
 въ специально дидактическомъ родѣ Кеbedo въплеря
 сродко же сердечныиъ и возвышенныиъ, какъ и
 поурныиъ, преимущественно въ поэмѣ Суейто (Ви-
 диние - Грѣза) и въ одѣ Alas estrellas (Божїи? звѣзды).

Какъ видно, сдобриниъ зрозъ создуиъ изъ произ-
 ведений весьма разнообразнаго характера, такъ
 что иногда даже трудно понять, на какомъ осно-
 вании итальянскорый поети ^{и поети} орнесены къ оудельту,
 посвященному подъ покровительствѣ зой, а не
 другой музы. Болъшинство стихозворений ормичеря
 краткости, приелъ сонети и романсы комичесвенно
 преобладають надъ другими родами, хотя здѣсь также
 встрѣчаются въ изобилии канцонеты, оды, элегии, по-
 слогиды, всякаго рода сатирическїи произведения, а
 также идиллии, quintillas¹⁾ и redondillas.²⁾ (Вверхъ зого
 зуръ помѣщены пезаре итермедии и оурыбокъ поэмы
 на сюжетъ Orlando Furioso.

1) Испанскїи оурыи, создуиъ изъ пары оудельтъ. руководителю
 2) - " - " - " - " пезаре, шекри или воестни оудельтъ.

Главный недостаток Кеbedo — только перилли, чья многократная суживоренія и неясности и выгуф, нося, непрерывно перерывающа большинство всего или написанного — созоруръ въ чужоредленіи словъ и выраженій вычгарычель и въ сущности не поз, зипескихъ. Масколско можно судитъ генерг, эзоръ не, дооразоръ биль отгаски слъдсрвиль постъшности и небрезитности радоръ, отгаски резулгздоръ чсвоен, той или лозикой гзорин. Кеbedo въоду гтался за силой выражения и преслъдучъ ее пергьдо въпадаль въ аорфекгзацио и грубооръ. Но мы должины поминиуе, что хоръ отъ и писаль много и съ болгшомъ легкорью, но теохорно печераль написанное, зедвляя от, криво о своемъ пильтереніи исправилъ и приготоръ свои суживоренія въ печери, когда у него будъ болгше времени и спокойсрвиль душевнано. Эрому теланито не сужидено было осущесрвирься. Но и заль мы можемъ удивлярсь зорку коллгсррбу зоркаго и блесрлцало оорроумид и позривескивъ красоръ, како мы вургогаль въ его произведеніяхъ.

Разъ и зорско одинъ разъ, Кеbedo издалъ небот, мой зоръ суживореній, хорорій зорда чие приписывали ему, хоръ первоначальсно отъ вышель не подъ его именовель. Поводъ къ изданію эрого зорника биль дооронть гения Кеbedo и чснталь, выпавшій на долю

поэты, вполне сообразуясь с потребностями времени. С пьесозором поря въ испанскую литературу про- никла афрекция, имевшая много общаго съ эрффу. Изъпомъ, господствовавшимъ незадолго передъ тымъ въ Англии. Афрекция эта была извѣстна подъ иже- нель cultismo или estilo culto - издичнаго слога, или гонпоризма (оъ ижеи поэта Луиса де Гонгора и- Ангозе изъ Кордовы 1561-1627).¹⁾ Во времена Кеведо эта подная монотония досужла апогея своего безумия. Сознавая всю нелюбовь этой монотонии, Кеведо направилъ прозввъ нее суртлы своей безпомщадной сажире въ пьесолскиль нелкиль срихворенидиль, въ своель, Компасте для образованныхъ людей (Aguja para navegar cultos) и въ прозаическую сажирь подъ заглавиль: Каделизисъ фразъ для обученія дамы лн- ринифированному испанскому языку, въ 1631г.

Видя, что зло пцерило глудокіе корни въ наци, отпалотомъ вкуче и что ему необходимо прозвивоно. сзавиць образцы болтве прошого и правителнаго поэри- ческаго сриль, Кеведо издалъ въ фомъ ние году съ 700 ние цтельно сборникъ срихвореній Луиса де Леона - небольшой фомъ, подъ заглавиль Poesias del Bacil, del Francisco de la Torre (Срихвореній баккалавра Франсиско де ла Торре). Эрозъ небольшой фомикъ, изданный Кеведо подъ чужимъ ижеиель, предсзавилелер-

¹⁾ О которомъ рече будеть въ послѣдствіи.

собого не малую литературную ценность. Они содер-
 жатъ сонеты, оды, саціоны, элегии и Эклоги; многія
 изъ этихъ произведеній вполне проникнуты антим.
 ното граціей и просодію; стиль ихъ — легкий и естествен-
 ный, а стиль отличается правильностію и благозвучі-
 емъ. Одними словами, это одны изъ лучшихъ сборни-
 ковъ разнаго рода стихозвореній на испанскомъ
 языкѣ. Можно бытъ, что въ нихъ слишкомъ преобла-
 даетъ подражаніе Пезраркѣ и итальянской школы;
 при всемъ томъ они оказываются не только граціоз-
 ными и прекрасными, но и проникнутыми нацио-
 нальнымъ духомъ и исполнеными пылностію
 и искренней любовью къ красотахъ природы. Верно,
 какъ въ этомъ сборникѣ и неромантическая лириче-
 скія стихозворенія, написанныя сгаритивыми мот-
 тами, не всегда безупречны, но рѣдко лишены
 изыщества.

Въ предисловіи Лебедо оъзывается объ авторѣ какъ
 вполне неизвѣстномъ ему поэтѣ, рукописи произве-
 деній котораго съ приложеніемъ къ ней одобрені-
 емъ Алонзо де Эрельви, отъ приобрѣтѣль случайно
 отъ одного книгопродавца и предполагая, что
 авторъ изданныхъ имъ стихозвореній былъ разъ са-
 мый древній поэтъ, о которомъ Босканъ упоминаетъ,
 етъ поэтъ за его имя передъ утомъ.

Ни въ моментъ появленія сборника, ни долго ему,
 еще не возникало ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ,
 что заключающіяся въ немъ стихотворенія принадле-
 жатъ кому-либо другому, а не тому неизвѣстному по-
 эту XVI столѣтій. Только въ 1753 г. Веласкесъ, авторъ
Estudios de la poesia española, въ предисловіи ко
 второму изданію сборника заявляетъ, что онъ все,
 что принадлежило Кеbedo. Ибо форма стихотворе-
 ній, изданіемъ Кеbedo, иль форма, иль содержаніе, иль
 подражаніе Пезраркю и древнимъ, иль стихосложе-
 ніе, языкъ и т.д. — все принадлежило эпохѣ Кеbedo; меж-
 ду обще-признаваемыми стихотвореніями Кеbedo возни-
 каютъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыя, доказывающія,
 что онъ былъ способенъ писать стихи въ родъ тѣхъ, ка-
 кіе приписываются Баккалавру де ла Порре; како-
 некъ, подъ именемъ этого Баккалавра Кеbedo охотно,
 но скрывалъ свое содѣянное, такъ какъ самъ былъ
 Баккалавромъ Алкальскаго университета, при креще-
 нии получилъ имя Франсиско и владѣлъ помѣсть-
 емъ Порре де ла Абадъ, въ козоровѣ онъ жилъ по
 временамъ и козоровъ два раза служило ему въсхва-
 селки.

На заявленіе, что сборникъ всецѣло принадлежи-
 ть самому Кеbedo, впоследствии было не разъ обращено
 вниманіе кризиковъ, изъ козоровъ одни признавали

его справедливыми, другие же отрицали. Вопросы Эзова
 одним из самых любопытных вопросов литературной
 soberвенности. Эзов случай напоминает нам о шотл.
 ландской поэте Джеймсе Макферсоне (1758—1796), из-
 давшемся яко бы найденная им поэзия Оссиана, но
 вернувшись и энергичных прозаиков, которые
 старались доказать подложность Оссиановских поэм.
 Несомненно здесь ^{у Кеведо} существующее нечто заискусственное
 во всем Эзове дала сборника и загадка вторично
 никогда вполне не разрешится. Но что бы ни была
 их автор, несомненно одно, что они достойны ге-
 ния любого поэта Эзова блестящей литературной эпохи
 Испании.

2. Прозаический сочинитель Кеведо.

Главная сочинения Кеведо это, которыми главным
 образом он обязан своему славою, как на родине,
 так и за границей — это сочинения в прозе. Нам,
 больше серьезный и глубокий из них лежат в
 сфере созерцательной литературной критики. Они состо-
 ят из разсуждений о Гошеле Промысла в при-
 ложении описка о бессмертии души, из трактата по
 священного Филиппу IV подъ странным заглавием
 „Политика Бога и управление Ф. Христа“ (Politica de
 Dios y gobierno de Christo), где автор изображает из
 слов Спасителя создать полный кодекс политический

философий. Трактатъ Эрозъ былъ наказъ во время пер-
ваго заключенія автора и первое издание его появилось
въ 1626 г. съ посвященіемъ графу Оливаресу, сраженному
впоследствии его злодѣйскими врагами. Посвященіе
это, написанное въ тюрьмѣ (1621 г.), было впоследствии
запечатано посвященіемъ королю. Дальше этого рода со-
чиненія Кеbedo соеюдучъ изъ трактатовъ о святой и
воинственнѣй жизни Христіанина, и изъ Біографій
св. Павла и св. Петра Римскнхъъв.

Эти трактаты, а равно переводы изъ Эпикрета, под-
ложнаго Фрокилида, Анакреона, Сенеки (*De Remediis
intrinsece Fortunae*), изъ Плутарховой жизни Марка
Брута и тому подобнаго сочиненія были, повидимому,
плодами его страданій и служили для Кеbedo раз-
влеченіемъ въ зреліе долгихъ тюремныхъ часовъ
его тюремныхъ заключеній. Какъ можно судить по
заглавію всѣхъ этихъ трудовъ, они принадлежать, за
исключеніемъ переводовъ изъ Анакреона, скорѣе къ обла-
сти богословія и философіи, чѣмъ къ издѣльной лирика-
турѣ. Иногда, впрочемъ, они озливаются тѣми же ка-
чествами, которыми характеризуютъ его серьезную поэзію:
за тея любовь къ блеску, за тея склонность къ напыщен-
ности и гиперболамъ, за тея дидактическія вставки,
исполненные дозоинерва и красноречія. Вообще
говоря, эрудіція въ нихъ много, но она чертъко за,

желоватости и педантизма.

Сюда можно отнести и это его сочинение, которое по временам отъ принималъ участие въ обсуждения общезначительныхъ вопросовъ своего времени, какъ то видно во-первыхъ изъ его „Tita la Piedra“, гдѣ отъ разбираежъ вопросы о понижении цѣнныаго монеты, за что отъ и подвергся сильнымъ нападкаамъ со стороны историка Маріана; во-вторыхъ изъ его „Memorial de St. Fago“, за который отъ былъ въ 1628 г. осужденъ на пыскальско князьство изгнаніа, и въ-третьихъ изъ его письма къ Людовику XIII по случаю войны 1635 г.

Они все принадлежать къ гитакривеской прозѣ. И еще упомянувъ жизнь св. Томы Виллануэва предъ сраженіемъ извлеченіе изъ другого обширнаго сочиненія на то же сошесть, извлеченіе, сдѣланное на скорую руку въ двѣнадцать дней по случаю канонизаціи Томы въ 1620 г. Это сочиненіе составляетъ изданный томикъ; чтение его можеть доставить удовольствіе самому строгому профессору, — удобствіе равное тому, какое отъ испытываежъ при созерцаціи одного изъ великихъ произведеній славнаго живописца Мурило, изображающаго подвиги милосердіа того же высоко-добродѣтельнаго желоватка. Слѣдуетъ добавить, что біографія св. Томы одно изъ самыхъ раннихъ изданныхъ сочиненій и одно изъ

самыхъ родкиль книгъ на свѣтъ. Но Кеведо самъ
высоко срабилъ своего „Marco Bruto“, за исправленіемъ
козорого застала его смерть, и своего „Romulo“ — пере-
водъ сочиненій, посвященого то же заглавіе и принадъ,
переванцало маркизу Малверци, италъядскому ди,
плонаку, долго сосудавшему на службу у Филии,
на IV и занимавшему одно время постъ испанскаго
посланника въ Лондонѣ. — Три сочиненія главнѣе
образомъ богословскія, метафизическія и аскетиче-
скія, занимають место ивъ одиноцади томовъ.

Сагирра.

Теперь обратимся къ болѣе важнымъ и болѣе
извѣстнымъ героическимъ сагиррамъ, одозмерившимъ
и въ авзора въ то время. Возьмемъ всего сочине-
ніе, посвящее заглавіе „Fortuna женицина со свѣсловъ
или какъ спаситъ дѣла бѣдѣ“ (La fortuna con celo y
la hora de todos). Содержаніе этого длиннаго аполога
состоитъ въ томъ, что Юпитеръ, окруженный богосерва-
ми Олимпа, призываетъ Форуну и зредуетъ оу нехъ
отвѣра въ жесокимъ несправедливосудѣ, соверша-
емъ на земли. Вослушавши я оуручкова
и забавкыя оправданія, оуецъ боговъ рѣшается, въ
видѣ отвѣда, предосудитъ всякому смертному въ жес-
ніе жаса то, что оуе дѣйсвизелтно заслуживаетъ.
Основной мотивъ сагирры состоиваетъ описаніе сраши,
ной музаницы, происшедшей въ мирскимъ дѣлахъ,

благодаря решению Юнхера. В силу этого решения доктор превращается в палача, сама выходит замуж за урода, с козорыль устраивала свадьбу другой женщины, а во сложных международных отношениях, напр., между Францией и Россией, возникает закон насилия, неурядицы, что наконец Юнхеру удается с согласия великих государственных богатырей воззвать к власти Фроуруны и предсказывать всему миру прекрасные порядки.

Большая часть аналога написана в самом веселом духе и изобилует в авторе счастливую способностью изобретения. Вследствие одуховления в этом произведении преобладающей чертой гения Кеbedo — первая горечь и жалость — можно заключить, что не смотря на то, что оно вышло в свет лишь спустя пятьдесят лет после его смерти, оно вероятно было написано еще до его изгнания. ^{В издании 1870 года} вероятно, что оно переведено с латышской сажиры, при надлежательной перу какого-то Riffroselancot Vinograd Nasdel Днакенте, имя козорого представляется не вполне точно вогнуто анаграмму содвухлетнего имени Кеbedo — Франсиско Кеbedo Villegas. ✕

Самое обширное произведение Кеbedo, это — его роман под заглавием „Жизнь и приключения великого проидохи Пабло из Сеговии“ (Vida y aven.

1) В Сарагоссе в 1650 г.

Amas del gran Tacaño Pablo de Segovia), где описаны похождения пиццик и плутовъ, онъ былъ написанъ, какъ впервые въ 1627 г. Онъ принадлежитъ къ разряду вымысловъ, изобретенныхъ Мендосой въ его Лазарильо де Торнесъ и отличающагося болѣе широкими характеристическими чертами, свойственными этого рода сочинениямъ. Какъ и въ другихъ произведенияхъ этого рода, въ немъ описывается жизнь искаженнаго приключеній, зрѣса и начала вѣселя, грезвѣтливо ловкаго изворозливала, принадлежавшаго по рожденію къ самому низкому и позорному слою общества и не въпривѣтъ многимъ изъ своихъ собратій никогда вполне не выходившаго изъ своего первоначальнаго состоянія. Вели благодаря своей ловкости, изворозли, воежи и хитрости ему и удалое, какъ бы случайно, достигнувъ блестящаго положенія, до, какъ только его характеръ проявлялся во всей своей наготѣ, онъ не медленно лишался приобретенныхъ выгодъ.

Не смотря на очевидную поспѣшность и небрежность, съ какого этого робачка, эта сатира была написана, въ немъ или въ ней проявляются болѣе таланта, за и ума, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ подобномъ сочиненіи, за исключеніемъ впрочемъ его прозоги. на — Лазарильо Мендоса.

Мезалим сатира Неbedo грезвѣтливо глупа, а разъ

или два — по ²понятию по крайней мере римской церкви — она доходит до богохульства. Въ цѣломъ она почти безъ каррикачура, преисполнена остроты, двусмысленности и вѣтшиекъ безпощаднаго, зѣва, зѣвнаго юмора. Ея остроты и жесткій сарказмъ всецѣло направлены противъ условій и положеній современнаго общества. Многие изъ любовныхъ эпизодовъ этого романа — этой сатиры — превосходны, а многія изъ ^{изъ эпизодовъ} злоключеній, описываемыхъ въ немъ, чрезвычайно забавны, но въ цѣломъ въ немъ ничего нѣтъ веселаго. Едва ли можно сравнивать съ собою, сколько нибудь похожее на двѣнадцатое уд., болсервие даже при чтеніи описываемыхъ въ немъ проказъ и шумныхъ пиршествъ въ стенахъ университаза, или продолженіе веселой шайки сзолитовыхъ мошенниковъ или еще больше забавныхъ приключеній зрѣтиса актеровъ. Сатира не можетъ быть забавной, когда она слишкомъ груба, груда и безпощадна. Поэтому этотъ романъ былъ переведенъ на многія языки, на итальянскій (1634), на французскій (1641), на англійскій (1657) и на нѣмецкій (1626 и 1841).

Подобнаго же характера и отличается болшимъ, събо другія сатиры Кеведо въ прозѣ, написанныя, или по крайней мере издаваемыя, приблизительно въ томъ же периодѣ его жизни; въ промежуткахъ

между двумя наиболее долгими его заключенными, после того как первое подняло в нем всю массу прозыва одиссея, доиссевичаго подобно несправедли, воюе, и пресиде нльмь подавляющая теснокоеус впро, го устела надломиле его здоровсе и экерсею.

Въ числе этих саурь находится „El libro de todas las cosas y otras muchas mas“ (Книга о всяких вещах и многих других), оспивающая педанризиле и лансисево; „El cuento de cuentos“ (Сказка сказок) — саура на злогнозредлене пословицами, и „Fragmenta del tiempo“ (Обливание времени), саура повиди, мочу направлена прозиве всего того, что приходи, но на насль абзору въ го время, какъ оне писаль ес. Но я не стану анализировать ни упомянутых сочинений,¹⁾

къ больше важнеле и больше извъсестель, какъ „La Fortuna con Seso“ (Фортуна тещица) и „El gran Tacaño“ (Великий пройдоха), изъ нихъ принадлежить и „Cartas del caballero de la Tenaca“ (Письма Рыцаря — Мила, 1627г.); это сочинение состоитъ изъ двадцати двухъ писель скрляи къ его возлюбленкой, содержащихъ отказъ на ея просьба и намеки присладе ей денекъ, и отказъ въ удовольсевичель, зредующихъ малымилель издерженель. Ловкосель, оуточнеле и изворозливостель, къ козорельмь прибгадеу скрляи, тобы зашидеу и обрададеу свой образъ днйсевичь, неподражаельи, но

1) ни другихъ въ томъ же родк еще больше многоисленнельи, а оустановилель на произведенельи больше извъсестель и долель важнелель.

конечно достигают совершенно противоположной цели и вместо того, чтобы оправдать низкий порок, делают его еще больше стыдливым и независимым.

Превосходный перевод этих писем находится в первом томе *Magazin der spanischen und portugiesischen Literatur* Берггута, весьма трудолюбивого писателя, друга Музеуса, Виланда и Тёре. Берггуть своими переводами много содействовал развитию в Германии любви к испанской литературе.

Вдоль сь „Великий приходок“ (*El gran Tacaño*) — романом — капитальным трудом Кеbedo именуется его „Видения“ или „Триэсы“ (*Sueños* ^{или Visiones} 1635), по числу есс. Трудно себе представить что-либо более разнообразное по словам и содержанию. Одно из *Sueños*, озаглавленное „*El Alcazar alcazarado*“ (Сиский шибодёр, или сиский полиция?) — есть злая сатира на низкую бюрократию правосудия, одним из козлов одержимым дьяволом, жалующимся на свою горькую долю, заставляющую его пребывать в злыне столь гнусного существа. Другая сатира под заглавием „*Visita de los Chistes*“ (Шутовое посещение) заключает в себя описание путешествия в ад. Окружены докторами, хирургами, праздными болтунами и клеветниками, смертью управляется в ад, при чем Кеbedo заявляет, что подобен плану ^{Fröhenal} не

представляешь для него ничего нового, благодаря без-
учийству и преследованиям, которыми она накал,
мила землю.

Но больше ясное понятие о сценарии и оригинале,
можно приехать Кебеда можно получить не из опи-
сания содержания его „Третье“ (Tercio), а из веруле-
ния в его „Видение черепов“ (Viejo de las calaveras)
или „Видение страшного суда“ (Juicio final), так
как веруление это представляешь собою образчик слов
любимого Кебеда стиховенія высокого и стилистического.

„Мне казалось“, говорить он, „будто я вижу конюшу,
быстро спускающуюся съ пика и так сильно дурущая
въ грудь, что красивое лицо его искажилось отъ напря-
женія. Звукъ груди былъ такъ силенъ, что камни
задрожали и нервы пробудились отъ сна; вся зем-
ля пришла немедленно въ движение, косяки лежав-
шихъ въ ней людей стилились соединиться дружка
съ дружкой. И вскоре я увидалъ бившихъ солдатъ
и полководцевъ, гнѣвно подвигавшихся изъ своихъ
могилъ и пришедшихъ грудной звукъ за призывомъ
къ бѣгству; скрѣпя, перенумерованные и возревоменныя
опасеніемъ неожиданнаго нападенія; гуляя и
веселясь, думавшихъ, что эрозъ оглушительный
звукъ есть сигналъ къ замкнута или отворъ. Также
по крайней мѣрѣ можно было заключить по вы-

разметило мнѣ каждого изъ нихъ, но я не видѣлъ, что бы хоть одинъ, до слуха козорого дошелъ шумной звукъ, понимая его насмѣшливый смыслъ. Вспомъ за землю я спалъ наблюдая, съ какими губерновъ думи удалялись отъ своихъ преемникъ земля: одна съ обращеніемъ, другая съ ужимасомъ. Одному не дозавало руки, другому глаза. Это обездолелъ было раздѣльширъ на, нѣ, елибъ одновременно я не былъ пораженъ иль съзрѣлостью: хоть коври мерзвцовъ были въ перемѣшанн, но никто изъ нихъ по ошибкѣ не прися, былъ себѣ ни ноги, ни другого члена своего состава.

На одной кладбищѣ мнѣ показало, что земля по ошибкѣ обмѣнилась головами, и я видѣлъ коза, рѣса, думя козорого не вполне подошла къ тѣлу, и отъ офарелъ отълазся отъ нея, выдавъ ее за тушицу. Когда все наконецъ поняли, что это — дѣло послѣд, нѣго суда, подобно было видѣть, какъ слезомъ, цѣ не желали, что иль содѣланные глаза орыка, ли иль, чтобы издавирся отъ иль свидетелства на судъ; какъ злодѣйности пѣрало укрится отъ своихъ языковъ, какъ воры и убійцы укрывали свои ноги, показавъ вырваться изъ своихъ содѣланныхъ рукъ. Взглянувъ въ сторону, я увидѣлъ скрѣгу, спрашива, поцало у другого (козоровъ набалгалированный идалъ въ молчанн, чтобы его выуретности, лешавшя

на пьедестале раздвоен, приближался к нему):
 Должны ли все умершие воскреснуть в эгоизме
 и воскреснуть ли заодно с людьми и тенью с
 тенями? Эгоизм вопрос раздвоенный бы меня, если
 бы в эту минуту не пробудилось во мне чувство со-
 жаления к умирающим, угрожаемым золотом но,
 дарящеем жизнь от своих чужих, тогда не слышал
 приговора суда. Но золотом же и не пиле осужден без
 чужих, и король оти были отрезаны, к социальным,
 но ^{наказанным} правосудия, число жакетов было не
 особенно, многочисленно. Это меня всего больше удив-
 ляло, такъ это видъ только двух или трех жакетов,
 которые держали свои свои наизнанку и держали
 каждый свои пиджак в правой своей правой
 руки.

Первое видение "Las zahurdas de Pluton" (Сви-
 ной яство Плутона) — это, как фигурирует то, что можно
 назвать адского сволокота, второе видение "El Mundo por de
 Dentro" (Жизнь на изнанку) и, наконец, третье видение
"El Entremetado, la Dama y el Sorlon" (Наизнанку, ду-
 шная и доносчик) полны самого жестокого сарказма,
 безощадно изливаемого человеком, к которому свать
 и его законы отнеслись как враждебно. Ощущение го-
 реки и смелли золотом в "Fortuna y desdicha" (La Fortu-
 na con Loro), характеризующее раздвоенное нами